

НАВСТРЕЧУ
XXIV СЪЕЗДУ
КПСС

Идет всенародное обсуждение проекта Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

Самых достойных выбирают своими делегатами на съезд коммунисты страны.

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал • №

3

1971

РАБОТНИЦА

А. Н. ЛЕОНОВА,

стеклодув Рязанского завода электронных приборов имени Ленинского комсомола, Герой Социалистического Труда

ПАРТИЯ, К КО

Я переживаю гордое чувство всякий раз, когда на партийном собрании зачитываются эти слова из заявлений: «Прошу принять меня в члены КПСС...» В ряды партии идут лучшие из моих товарищей — великое товарищество коммунистов все ширится.

Мой партийный стаж — двадцать семь лет, больше половины прожитого. Вступила в партию во время войны и помню до сих пор фронтовой рассказ, под впечатлением которого писала свое заявление. Перед началом ответственного боя молоденького лейтенанта приняли в партию. А спустя какой-нибудь час он, чтобы обеспечить успех батальону, вызвал огонь противника на себя. «Он умер достойно, как подобает коммунисту, — сказал над могилой лейтенанта комиссар. — Нам же, оставшимся в живых, надо суметь и жить коммунистами».

Жить коммунистом — и там, на фронте, и в нашем тыловом городе — значило, в сущности, одно и то же: быть беззаветным бойцом, из трудного брать на себя самое трудное; уметь отвечать не только за себя, но и за всех. Эти принципы остаются и сегодня главными для каждого из нас, коммунистов, и партия в целом живет этими принципами.

Нашему народу, нашей партии ничего не доставалось легко и просто. Даже враги признают, что свое могущество и силу Советская страна «не унаследовала, а создала». Да, все, что мы имеем, добыто в трудах и борьбе, и передовым отрядом борцов всегда была и остается сегодня КПСС — партия новаторов, как называл ее В. И. Ленин.

Каждый знает, каково идти первым по непроторенной дороге: и риск, и трудности, и неудачи, а подчас и упреки за них. Большевики приняли эти трудности на себя сознательно и добровольно. Смысл один и цель одна: сделать счастливым трудящийся народ. Ради этого совершалась первая в истории пролетарская революция, создавалась первая республика рабочих и крестьян. И все наши пятилетки — тоже впервые, как опыт и как открытие.

На прошлом, XXIII съезде партии я была в числе делегатов от коммунистов Рязани. Полней, чем когда-либо, я ощутила на съезде, как громадна наша общая работа и ответственность КПСС не только перед своей страной, но и перед будущим всех народов. Казались удивительными цифры достижений, а съезд заглядывал далеко вперед, намечал новые рубежи, называл города и предприятия, которые только пред-

На Рязанской областной партийной конференции.

Фото И. Константинова.

ТОРОЙ Я ПРИНАДЛЕЖУ

стояло заложить: обсуждались Директивы к плану восьмой пятилетки.

С волнением слушала я речи зарубежных гостей съезда — представителей великого товарищества коммунистов. О наших успехах и планах они говорили с огромной заинтересованностью. Долорес Ибаррури именно так и сказала: «...трудящиеся всех стран глубоко заинтересованы в успешном выполнении вашей пятилетки, она будет стимулом для демократических и социалистических сил в странах капитала, поможет развитию коммунистического движения во всем мире».

Никто из делегатов-женщин не забудет волнения, которое мы пережили в один из съездовских дней: каждой женщине вручалась алая гвоздика — подарок от коммунисток Франции, их привет, знак их любви к партии Ленина, к нашей стране.

Планы, которые наметил предыдущий партийный съезд, выполнены успешно, а большинством республик и областей — досрочно. Но для коммунистов всегда были и будут девизом ленинские слова: не останавливаться на достигнутом, непременно двигаться дальше, переходить к решению все более сложных задач.

Очередной, XXIV партийный съезд — важный этап в нашей борьбе за коммунизм.

Сейчас с большим воодушевлением и одобрением обсуждается проект Директив XXIV съезда партии по новой пятилетке. Следуя ленинским заветам, партия вынесла проект плана нашей работы, нашей жизни в предстоящие пять лет для совета со всеми коммунистами, со всем народом.

Каждая строчка, каждое задание проекта Директив проникнута заботой о том, чтобы жили наши люди еще лучше, радостнее, богаче. Главная задача пятилетки — обеспечить подъем материального и культурного уровня жизни народа. Мы уверены: то, что в плане намечено, непременно станет явью.

Залог этого — единство устремлений всего нашего народа и партии, к которой я принадлежу.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Журнал основан 8 марта 1914 года

Издательство «ПРАВДА» Москва • МАРТ 1971

ПОСТОЯННАЯ ВЕЛИЧИНА

День был серым, сонным. Урок алгебры самым обычным — «по закреплению навыков». Не заставишь девятиклассников сразу думать, искать — заскучают. И она сказала, кивнув в сторону длинного, прерывистого ряда цифр и букв на доске:

— К решению ведут несколько путей. Лучший тот, что короче и в итоге даст алгебраическое выражение лаконичное и простое. Как говорят математики — изящное. Ну... Приступайте!

Почему мне запомнились именно эти слова из многих, сказанных Евгенией Павловой на уроках? Наверное, потому, что за ними не просто профессиональный прием, а что-то от человеческого характера, философии, стиля жизни.

В этом я убедилась позже, не однажды услышав о Мухиной: «Мыслит точно»... «Мыслит рационально»... «Мыслит интересно»... «Мыслит по-государственному»...

В повседневном, бытовом плане это «умение думать» оборачивается житейской мудростью. В педагогической работе — мастерством. И во всех делах — гражданской, политической зрелостью. Не случайно

коммунисты области выбрали Мухину делегатом на XXIV съезд партии.

Разграничить сферы деятельности одного человека можно лишь условно, лишь на бумаге. В жизни качества — человеческие, профессиональные, гражданские — у каждого (у педагога тем более) переплетаются неразрывно. И все-таки попытаемся взглянуть на Евгению Павловну с разных точек зрения.

Вот она, просто жительница рабочего поселка Чернянки. Жительница очень здешняя, как говорится, с корнями. В Чернянке всю жизнь учительствовала ее мать, в Чернянке работал врачом отец. В Чернянской школе Евгения Павловна сама когда-то получила аттестат зрелости, а после — две ее дочери. И хотя изменился за многие годы поселок, оброс заводами, все равно здесь каждый второй — знакомый: того учила, у того в школе дети, тот живет на соседней улице. Вся жизнь педагога на виду. Легкого авторитета не заработаешь, да такого она и не ищет.

Сдержанна, не любит отношений запанибрата. Живет по материнской заповеди: учитель не должен каждому открываться в мелких, бытовых заботах. Хотя и забот, как у всякой хозяйки, у нее хватает, и трудностей в ее семье — как во всякой, не делает это темой «задушевных» разговоров с коллегами или родителями. Дружба крепче на иной, деловой основе. Со старшеклассниками на «вы» — дистанция в полную меру.

А вместе с тем как часто в квартире учительницы раздаются вечерние, запоздалые звонки.

Тихий расстроенный голос — мать бывшего ее ученика, рабочая сахарного завода.

— Евгения Павловна, сын женится. И невесту вы знаете — Лариса, прошлогодняя выпускница. Молодые... Ни кола ведь еще, ни двора, ни дела в руках.

Начинается долгий-долгий разговор... И хотя рецептов Мухина не дает, и речь идет скорее просто о сыне и его девушке, чем об их женитьбе, заканчивается он облегченным материнским вздохом:

— Ну, значит, пусть уж... Даю на свадьбу согласие.

С таким, сокровенным, приходят к Мухиной часто. Сама она удивляется: «Вроде бы и не вызываю на откровенность. Почему?» А люди знают, почему. Участие Евгении Павловны, даже если оно выражается только в совете, — деятельная, активная работа ума и души.

Про учительницу говорят:

— Уважаемый человек в поселке.

А она платит Чернянке любовью и заботой. Как-то на областной партийной конференции горячо говорила о том, что нужна райцентру новая типовая школа. Ей хочется, чтобы красивым, удобным для жизни был ее поселок. Потому что именно с него для ребят начинается Родина. Она и сейчас прекрасна, Чернянка, — это показала однажды Евгения Павловна выпускникам, поднявшись с ними после бала на меловую гору над поселком встречать рассвет, — но должна стать лучше.

...Теперь о Мухиной-педагоге. Шесть лет назад присвоено ей звание заслуженной учительницы школы РСФСР. Работает без второгодников, ее выпускники легко проходят конкурсы в технических вузах, у нее учатся педагоги района. Но не сразу поймешь, на чем держится успех. До скупости лаконичен почерк мастера — даже дополнительных занятий почти не проводит. Кому-то на уроке дала решить лишний пример на повторение, потянув за ту самую ниточку, с которой начался клубок непонятых тем. Кого-то похвалила за решенный пример — в этом возрасте часты срывы от не-

уверенности в себе. Кого-то убедила пойти в математический кружок: здесь главное — разбудить интерес.

И любой урок — как увлекательнейшее из состязаний.

— Кто скажет точнее? Как решить лучше? У кого иное мнение?

Трудно представить себе ученика в классе, не захваченного потоком коллективной мысли.

А за всем этим — огромная мыслительная работа самой Евгении Павловны. Переворачиваются учебники, журналы. Каждый, именно каждый ученик рассматривается как живая, подвижная проблема.

Но знания не ради знаний.

— Математика не просто гимнастика ума. Хочу, чтобы волю, пылкость, активность в движении к цели — все, что делает человека талантливым на любом месте, воспитывала моя математика, — говорит Евгения Павловна.

Простой, естественный мостик от урока к человеческому характеру, судьбе. К воспитанию в самом широком, гражданском смысле этого слова.

Евгения Павловна — воспитатель, классный руководитель из тех, кто судит о своей работе совсем не по количеству «мероприятий», а по «конечному результату» — какими выходят из школы ребята.

Главное — будни. Доброта, честность, искренность, обязательность, чувство долга, без которых нет и не будет гражданина, рождаются в повседневной ребячьей жизни, в ее обычном течении.

— А здесь-то мы, учителя, подчас не все видим, не на все откликаемся, — сетует Мухина.

Читают ребята, из рук в руки передавая, книгу об Эдит Пиаф. О прекрасной французской певице можно было бы рассказать и лучше, чем сумел автор. И для разговора с воспитанниками о творчестве, любви, счастье удобнее было выбрать другой повод. Но уж коли читают, кто, как не учитель, подскажет, что главное и что второстепенное в трагической судьбе, отделив всякие там «подробности» от сути значительной личности.

Куда легче было бы подчас не заметить скрытый от глаз неблагоприятный поступок, лишь намекающийся дефект характера.

Вот, например, Юра. Внешне абсолютно благополучен: сообразителен, аккуратен, хорошо учится. Но совсем не случайно Евгения Павловна спрашивает своих коллег чаще, чем о ком-либо другом:

— А как Юра?

Вот и снова огорчение. Любовь Антонова, учительница литературы, в ответ сказала:

— Опять улыбался. Вы знаете, как — хорошо, насмешливо, высокомерно.

И это в то время, как другие ребята с волнением, почти до слез, почти до комка в горле читали стихи о войне. Любимые стихи — такое было задание. У Юры любимых стихов «не оказалось»... Откуда эта поза? И не перейдет ли она, как подчас бывает, в суть характера? Что делать? Как бороться с этим напускным скепсисом?

Идут поиски. Действовать через родителей? Нет, они боготворят сына, они-то во многом и виновны. Через товарищей, коллектив? Не отпугнут ли его категоричностью требований, собственных девятиклассникам? Решает: поговорю сама, как со взрослым: «Это в тебе плохо, это опасно»...

Трудные бывают решения. Зато сколько радостно видеть: удалось повлиять на растущего человека.

Как-то в Чернянке, на братской могиле воинов, погибших в Великую Отечественную, рядом с венками стали появляться

скромные букеты садовых и полевых цветов. Случайно узнала: приносят цветы ее ребята. Значит, не зря незадолго до этого вела с ними разговор о величии подвига неизвестных солдат.

Вот так же гордилась на вечере 8 Марта, видя, как мальчики нежно снимали пальто с мам — работниц, учительниц, продавщиц. Они, ее старшекласники, будут еще читать мамам стихи, петь песни. Но и этот заботливый, готовый войти в привычку жест важен.

Вниманию к внутреннему смыслу поступков, к будням, к «мелочам» учит Евгения Павловна и родителей своих ребят. Атмосфера в семье, личный пример — об этом ведет речь, часто напоминает восточную мудрость: «Чтобы выпрямить тень, нужно выпрямить предмет, эту тень дающий». Дети — наше продолжение в хорошем и, к сожалению, в плохом.

И еще одна грань и еще одна точка зрения все на того же человека. Евгения Павловна — партийный активист, общественный деятель. Разномасштабны ее общественные обязанности: лектор, руководитель теоретического семинара в школе, член областного комитета партии. Но выступает ли Мухина в цехе завода, ведет ли занятия по ленинской работе, или анализирует подготовку партийных организаций школ района к ленинскому юбилею, она всегда остро видит основную проблему и творчески подходит к ее решению.

Взять тот же семинар. Заниматься — так с удовольствием. Начали с чтения вслух отрывков из произведений Ильича. Текст, взволнованный, страстный, поданный полностью, а не цитатами из брошюр, захватил педагогов. Позже Евгения Павловна распределила доклады между слушателями. Получились квалифицированные и разные.

Участники пленума обкома, посвященного идеологической работе, запомнили выступление Мухиной. Логично, убедительно и ярко говорила она о трудностях школы, о проблемах идейного воспитания ребят. Как досталось тогда нерадивым шефам школы! Ведь не выделенный вовремя обещанный автобус для экскурсии на Курскую дугу не мелочь. Это неиспользованные возможности патриотического воспитания, это «накладка», подрывающая авторитет педагога.

Прекрасное умение увидеть суть явления, найти ее, обнажить... Но мне не хочется, чтобы кто-то подумал, будто оно рождается у Мухиной из «голой логики», этакое последовательного рационализма. Да, подчас рассматривает она ситуацию как задачу со многими неизвестными — на то и математик. Но есть при этом всегда одна «постоянная величина» — любовь к своему делу, любовь к людям. Живое чувство, которое приводит к решениям отнюдь не математическим, не однозначным — диалектическим.

Еще во время войны, сразу после освобождения Чернянки от фашистов, первый директор школы Михаил Федосеевич Степовик вызвал с Урала из эвакуации бывшую свою ученицу Мухину на работу. И по его и по ее «подсчетам» ждала ее где-то в перспективе научная работа. А приехала — осталась в школе. Потому что убивался в ту пору директор:

— Не бегают, не бегают на переменах сорванцы. Ослабели.

А когда забегали («Видно, стали есть сало», — сказал Степовик), уже не могла уехать по другой причине: поняла, чтошла свою дорогу, свое счастье.

И. КОШЕЛОВА

п. Чернянка,
Белгородской области.

РАЗМАХА ШАГИ САЖЕНЬИ

Новые рубежи на путях коммунистического строительства, главные направления нашего движения вперед определены в проекте Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

«Главная задача пятилетки состоит в том, — подчеркивается в проекте ЦК КПСС, — чтобы обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда».

Важнейшее значение придает партия укреплению экономической мощи страны.

За пятилетие намечено:

на **37-40%** увеличить национальный доход,

на **36-40%** увеличить капитальные вложения в народное хозяйство,

на **42-46%** поднять производство промышленной продукции,

на **36-40%** повысить производительность труда, и именно за этот счет получить четыре пятых всего прироста национального дохода.

динаковые пятиэтажные дома — светло-коричневые с красными торцами — стояли возле оврага. Внизу, в овраге, разместился склад тары, а дальше, за оврагом, на той стороне, лежало не то поле, не то пустырь. Город кончался здесь. На углу, напротив пятиэтажных домов, поместилась конечная остановка троллейбуса, отсюда он, сделав широкий круг, возвращался в центр города.

Но однажды поздней осенью к оврагу с утра понаехали машины и начали грузить и вывозить пустые ящики. Овраг решено было засыпать, а на этом месте вскоре должна была возникнуть новая улица с большими домами, застекленными магазинами, газетными киосками и телефонными будками.

Жильцы из соседних домов, те, кому не нужно было идти в этот день на работу, вышли из своих квартир и направились к оврагу посмотреть, как вывозят оттуда старую тару, к которой они уже успели привыкнуть. Они вышли из темных подъездов в ясный, сухой и прохладный осенний день. В просторных дворах земля была плотной и влажной, низкие кусты с засохшей уже листвой походили на мотки спутанной ржавой проволоки, но трава между ними казалась еще свежей и яркой. Летели по ветру мелкие, сияющие, как медные монеты, листья березы, тянуло откуда-то дымком, а высоко в небе кричали сбившиеся в стаи птицы.

Овраг же был наполнен ревом и скрежетом тяжелых машин, и в их реве и шуме странно звучал живой голос собаки. Собака эта, белая, с большими коричневыми пятнами на спине, охраняла раньше склад. Теперь склада уже не было, но она все еще несла свою службу, оберегала ящики от машин, с лаем отгоняя их прочь.

Пожилые женщины и дети стояли наверху, на холме, наблюдая то, что происходило внизу. Был тут и старичок пенсионер, маленький, весь как бы ужавшийся, в непомерно широких брюках и темно-синей с отвислыми полями шляпе. Его молодая жизнь с шумом, гамом, беспокойством куда-то отошла от него. Но его тянуло к людям, к громким звукам, он любил быть на народе, любил смотреть, как работают другие. Теперь он подробно рассказывал женщинам, какая пройдет здесь улица, что на ней будет стоять и какое учреждение проводит сейчас строительные работы.

Первая, груженная до самого верха машина выехала со склада и остановилась на дороге. Шофер ее, молодой парень в кожаной куртке с непокрытой головой, спрыгнул на землю и, сучая, громко сказал:

— Скорей бы кончалась эта тара. Надоело пустоту возить.

И тогда с холма откликнулся насмешливый женский голос:

— Как будто не все равно, что возить! Не на своих же плечах.

Шофер поднял голову и увидел под облетевшей почти березой студентку Аню — худенькую, черненькую, в брюках.

— Нет, — ответил он ей серьезно, — совсем не все равно.

Аня почему-то вдруг смутилась и чуть отступила назад, в толпу мальчишек, сгрудившихся за ее спиной.

— Эй, поехали! — крикнули откуда-то с задних машин.

Шофер в кожаной куртке легко вскочил в кабину, захлопнул дверцу, но перед тем, как тронуться с места, высунулся из окна и крикнул Ане:

— Приеду снова, объясню!

Одна за другой машины потянулись к шоссе, а студентка Аня, проводив их взглядом,

дом, медленно пошла по тропинке, проложенной вдоль оврага. В этот день у Ани не оказалось никаких особенных дел, так как занятия в институте отменили из-за переезда в новое помещение. Не было у нее также никаких чрезвычайных радостей и печалей, которые бы отвлекали ее и мешали заметить всю красоту и тишину этого ясного дня. Тропинка перевела ее через овраг, и она оказалась в поле, где еще цвели цветы и зеленела трава, но ветер, летевший над ними, был холодным и, казалось, нес откуда-то запах снега.

вор. Поравнявшись с ней, он заулыбался и сказал удовлетворенно:

— Ну вот я и отыскал тебя.

Заметив ее недоуменный взгляд, он пояснил:

— Я же обещал рассказать, почему мне не все равно, что возить. А у нас там как раз перерыв образовался: грузчиков на полчаса к другому объекту перебросили.

Шагая рядом с ней по тропинке, он спросил:

— А что ты вообще знаешь о шоферах? Аня засмеялась:

Г. КОРНИЛОВА

Рассказ

Рисунок Н. БОРИСОВОЙ.

ТУМАННЫЙ НОЯБРЬ

Аня шла теперь совсем медленно, оглядывая все, что попадалось ей на пути. Странное это было поле. Рядом с высокими желтыми цветами, названия которых она не знала, торчал из земли толстый металлический трос, в зарослях полны валялось дырявое ведро, тут и там видны были среди травы свежие ямы, словно кто-то искал здесь клад или пытался посадить дерево. Аня прошла все поле до самого его конца, вышла к шоссе и повернула обратно. И только тут заметила, что по тропинке навстречу идет какой-то человек и издали машет ей рукой.

«Кто это? — подумала Аня. — Мне ли он машет?» Она оглянулась по сторонам и увидела, что она тут одна и человек направляется именно к ней. Когда же он подошел ближе, она с удивлением узнала в нем того самого паренька-шофера, с которым недавно вроде бы вступила в разгово-

— Ну, например, я знаю, что они не любят милиционеров.

— А вот и ошибаешься. Если хочешь знать, мне лично они нравятся. Приятно на них смотреть, когда они мчатся на своих мотоциклах тебе навстречу. В седле они держатся прямо и достойно. А звездочки у них на фуражках вроде звезды во лбу у Царевны-лебеди из «Сказки о царе Салтане». Помнишь?

— Помню, — сказала Аня и опять засмеялась.

— Хотя я-то, в общем, другое тебе хотел сказать. Я тебе вот что хотел объяснить: нам всем иногда кажется, что мы сами по себе и от других не зависим. Вот уйдем куда-нибудь в одиночку, как ты сейчас сюда, и как будто ото всего свободны. Но даже тут, на этом пустыре, ты и со мной связана и даже, например, с людьми, которые живут вон в тех домах.

Он махнул рукой туда, где на горизонте еле различимы были квадратные силуэты домов.

— А ты, может быть, никогда их и не видела. И все неодушевленные предметы вокруг нас тоже имеют прямое отношение к нашему настроению, к нашей душе, что ли. И мне, представь себе, совсем не все равно, что там едет в кузове за моим горбом. Вот я вожу сейчас со склада пустые, ничемные ящики, одна поездка за другой, и замечаю постепенно, что на душе у меня делается пусто. Понимаешь это?

— Да, понимаю,— кивнула Аня. Она не смеялась теперь, а глядела ему в лицо — серьезное, чуть скуластое, с серыми твердыми глазами. Никогда раньше до этого дня она не встречала его, но он почему-то говорил с ней, словно бы продолжая давние их разговоры и споры. И ей стало казаться, что она и в самом деле как-то связана с ним, откуда-то знает его уже давно. Он шагал широким, спокойным шагом и в такт шагам помахивал голубоватой веточкой полыни.

«Руки будут пахнуть полынью, не отмоет»,— подумала Аня и сказала вслух:

— А я учусь. Когда кончу, буду учительницей в школе. Но хотя уже второй курс, до сих пор нет уверенности, что правильно выбрала. Оказывается, не так-то просто в жизни решить, что больше всего любишь.

— А может быть, наоборот? — отозвался ее спутник.— Когда что-нибудь по-настоящему любишь, все ясно и выбирать тут нечего.

— Да,— согласилась, подумав, Аня,— наверное, так и есть.

Они снова подходили к оврагу, и было теперь слышно, как внизу, на складе тары, переговаривались люди.

— Але-о-хин! — закричали вдруг оттуда. Он остановился и повернулся к Ане.

— Это меня зовут,— объяснил он.— Я Алехин Николай. А тебя зовут Аня, да? Я слышал, как тебя там одна женщина окликнула. К сожалению, мне пора идти. До свидания.

Он крепко пожал Анину руку и бегом, не обернувшись, спустился в овраг.

«Странный человек,— сказала себе Аня, оставшись одна,— очень странный человек». Но тут же она подумала и о том, что, может быть, жизнь и интересна тем, что случаются в ней вдруг странные вещи, которых ты и не ожидал и не предвидел. И она пожалела о том, что, должно быть, никогда больше не встретит этого человека: ящиков на складе оставалось совсем немного.

Однако Аня ошиблась. Не прошло и недели, как они снова встретились, именно тогда, когда она совсем уже не ожидала этого. В субботу после окончания занятий она вышла вместе с двумя своими подругами из института. Поеживаясь от влажного, промозглого воздуха, они прошли институтским двором и, прежде чем разойтись в разные стороны, остановились за воротами на тротуаре. И тут Аня услышала, как ее позвали.

— Аня! — крикнул кто-то знакомым уже, веселым голосом, и все втроем они разом обернулись и увидели, что неподалеку от тротуара стоит большая, на высоких колесах машина, а из кабины, улыбаясь, глядит на них молодой, симпатичный шофер. Аня тотчас узнала его и, чуть покраснев, быстро объяснила подругам:

— Это Николай Алехин. Он работал там, возле нашего дома.

Но подруги из этого ее объяснения ничего не смогли понять. Они стояли и молча разглядывали Аню, словно увидели вдруг в ее лице что-то новое для них, еще неясное.

В этот момент Николай Алехин вылез из

своей машины, подошел к ним и сказал:

— Послушайте, девочки. Вам будет гораздо удобнее разговаривать у меня в кабине. Она, правда, на двух пассажиров рассчитана, но вы втроем больше места и не займете. Я вас всех развезу по домам. Поехали?

Они посмотрели на него и увидели, что улыбается он спокойно и сдержанно, что есть в нем достоинство, а никакой развязности вовсе не заметно. Они переглянулись, засмеялись и одна за другой залезли в кабину. И действительно, там было уютно и тепло, сквозь широкие чистые окна отлично видна была улица, а сиденье оказалось удобным и мягким. И не успела еще машина тронуться с места, как Анины подруги вполне освоились с обстановкой и завели с Николаем Алехиным интересный разговор, который имел целью установить: что же он за человек. Однако очень скоро их первоначальный, довольно уверенный тон изменился, и они принялись болтать уже без всякой задней мысли, хохоча и перебивая друг друга.

Но сама Аня почти все время молчала и лишь, улыбаясь, слушала, о чем говорят с Николаем подруги. Еще больше прислушивалась она к тому, что происходило в ней самой. Повернувшись и увидев его лицо в окне машины, она ощутила смятение, которое не проходило. Порой она чувствовала, как взгляд его, быстрый и осторожный, касался ее лица, но она почему-то боялась поднять на него глаза. Ощущала она и внезапную обиду на своих подруг, которым Николай явно понравился, и они, казалось, забыли обо всем на свете. И Аня сидела рядом с ними погрузневшая и отчужденная.

А машина быстро пронесла их по улицам родного города, летел вдогонку ветер, и не разобрать было, шины ли это шуршат по асфальту, или шелестят сухие, опадающие с деревьев листья.

Сначала они довели до дома Наташу. Обогнули пустынный сквер на площади, где женщины в телогрейках сметали с дорожек листву, и машина остановилась за углом узкого, сумрачного переулка. Высокая, длинноногая Наташа выпрыгнула из кабины, кокетливо поправила пушистую шапочку на голове и, помахав рукой, крикнула Николаю:

— Большое спасибо, товарищ шофер! Приезжайте еще.

Потом переулок вывел их к набережной, и некоторое время они ехали вдоль реки. Тут Николай и другая Анина подруга, Вероника, неожиданно выяснили, что оба они в детстве жили в этих местах, ходили купаться сюда на набережную и, должно быть, раньше не раз встречали друг друга. Вероника и сейчас жила неподалеку от реки в маленьком деревянном домике с мезонином, который еще уцелел тут, притулившись в глубине двора между двумя новыми, большими. Вероника, прощаясь, пригласила Николая зайти как-нибудь к ней в гости, попробовать варенья, которое варит ее, Вероникина, бабушка. Они подождали, пока Вероника скрылась в глубине своего заросшего сиренью двора, и, развернувшись, поехали наконец в отдаленный окраинный район, где жила Аня.

«Теперь Ане очень хотелось спросить Николая о том, как же он сумел разыскать ее институт. Но сказала совсем другое.

— У вас опять перерыв образования? — спросила она насмешливо.— Что это вы таксистом вдруг заделались, людей по домам развозите?

Он повернул голову, внимательно посмотрел ей в лицо и, помолчав немного, ответил:

— Таксист за это деньги берет. А я так, для собственного удовольствия.

И опять она не решилась спросить, какое в этом он находит удовольствие, а спросила о том, как понравились ему Вероника и Наташа.

— Мне так кажется,— ответил он,— что Вероника вряд ли сомневается, тот ли институт выбрала. Она знает, что делает. А Наташе, наоборот, не так уж и важно, где учиться и чему. Для нее в жизни важно совсем другое.

«Это правда»,— подумала Аня и удивилась тому, как быстро сумел он разобраться в ее подругах.

— А вы знаете, Николай,— сказала она вдруг,— вам нужно учиться.

— А я и учусь,— спокойно ответил он,— книги читаю, разговариваю с людьми, еду — смотрю вокруг. Но ты, наверное, имеешь в виду учиться в институте?

— Да.

— На кого же мне в нем учиться? Я люблю дорогу, машину, мне нравится моя работа. Пока я ничего другого не хочу.

Он опять посмотрел на нее и сказал:

— Ты заметила, что мы с тобой не на равных разговариваем? Я тебе «ты», а ты мне «вы» говоришь. Это надо как-то к единой системе привести.

— Надо,— согласилась она.

— Давай «ты»? — попросил он.

— Давай,— засмеялась Аня.

Ей уже не было грустно. Ей нравилась эта быстрая, похожая на полет езда, и улица, по которой она каждый день проезжала на троллейбусе, показалась ей вдруг совсем иной, незнакомой и удивительно красивой.

«Как хорошо,— думала Аня,— отчего это мне так хорошо? И говорить вовсе ни о чем не хочется. Не хочу ничего говорить и не буду».

И Николай Алехин, задумчиво глядя перед собой на дорогу, вдруг сказал:

— И молчать хорошо, правда? Я давно заметил, что в нашей жизни тишины мало. Не хватает нам ее.

«Вот почему так хорошо,— догадалась Аня,— я-то же самое чувствую, что и он. Как это странно все-таки!»

Она посмотрела украдкой в его сторону и увидела руки, лежащие на руле. Спокойные, умелые руки, с длинными, сильными пальцами, обхватившими баранку. И Аня вновь почувствовала, как забилось у нее сердце, и поняла вдруг, что то недавнее ее смятение и недоумение, когда она, обернувшись, увидела его у ворот института, на самом деле было совсем иным чувством. Что-то неведомое, грозное и веселое вторглось в ее жизнь и изменило ее самое навсегда.

Аня быстро отвернулась к боковому окну и на секунду прижалась горячей щекой к холодному стеклу. Мимо нее пронеслись зеленоватые, словно светящиеся стволы безлистных тополей, дома, в которых зажигались первые огни, яркие витрины магазинов. Надо всем этим стояла бледная, холодноватая заря и темные, неподвижные, похожие на льдины облака. А внизу, за дальними домами, плыл странный, стелющийся дым.

— Что это? — не поняла Аня.

Он взглянул.

— Туман. Из-за реки идет. Время сейчас такое — туманный ноябрь.

И улыбнулся ей, мягко, чуть застенчиво. Она сидела молчаливая и задумчивая, широко открытые глаза ее смотрели туда, где таяла в тумане дорога. А вокруг них, за окнами машины, притихшая и отцветшая земля дождалась близкого снега.

РАЗМАХА ШАГИ САЖЕНЬИ

Чтобы полнее удовлетворять возрастающие потребности населения в продуктах питания, а промышленности — в сырье, большое внимание уделяется дальнейшему росту сельскохозяйственного производства.

Намечено:

82 миллиарда рублей ассигновать на развитие сельского хозяйства,

195 миллионов тонн зерна собирать ежегодно,

на **20–22%** увеличить среднегодовой объем производства сельскохозяйственной продукции.

Забота о человеке, о его благе красной нитью проходит сквозь все, о чем говорится в проекте Директив.

Намечено:

на **30%** увеличить реальные доходы на душу населения,

на **20–22%** поднять среднюю заработную плату рабочих и служащих,

на **40%** увеличить общественные фонды потребления,

565–575 миллионов квадратных метров жилья построить в новой пятилетке,

на **44–48%** увеличить производство предметов потребления.

Женщину, которую вы видите на снимке, зовут Антонина Михайловна Денисова. Она первый секретарь Подольского райкома партии в городе Киеве.

* * *

...С утра Антонина Михайловна собиралась побывать на нескольких предприятиях. Я попросил ее взять меня с собой.

Райкомовская «Волга» обогнула площадь, на которой стоит здание районного комитета партии, и влилась в поток машин.

Район Подола издавна был рабочей слободой Киева. Здесь, вблизи Днепра, еще в прошлом веке появились первые кустарные мастерские. Одни ремонтировали речные суда, другие изготавливали немудреный крестьянский инвентарь. Потом задымили заводы. Крупнейшим из них стал Южнорусский машиностроительный. Лепились одна к другой хибары рабочих, а рядом выросли особняки богачей. Сейчас особняки эти кажутся домишками в сравнении с многоэтажными новостройками. А слава рабочего района так и осталась за Подолом. Более того, приумножилась.

Сейчас в районе свыше ста промышленных предприятий, тридцать строительных организаций. Есть и автохозяйства и предприятия бытового обслуживания. Продукция, которую выпускает район, самая разнообразная: океанские траулеры и модельная обувь, инструменты из твердых сплавов, одежда, медицинское оборудование. Четвертая часть всего, что производится в Киеве, приходится на Подольский район.

Недавно проходила отчетно-выборная партийная конференция, где Денисова от имени районного комитета докладывала о развитии промышленности района за минувшее пятилетие. По основным показателям пятилетка была выполнена за 4 года и 10 месяцев. За пять лет израсходовано на развитие промышленных предприятий 70 миллионов рублей. Это позволило не только расширить производственные площади, но, что самое главное, вооружить заводы и фабрики новой техникой. Появилась новая индустрия.

Особенность минувшей пятилетки, отмечалось на конференции, — не бывала творческая активность рабочих, техников, инженеров. В районе сейчас шесть тысяч рационализаторов. В производство внедрено более 30 тысяч рационализаторских предложений с экономическим эффектом в 30 миллионов рублей.

Везде и во всем в авангарде были коммунисты. В районе 331 первичная партийная организация, 15 тысяч коммунистов. Армия, которая подняла и повела всех тружеников района.

...«Волга» остановилась у края обширной строительной площадки.

— Вот здесь — наш завтрашний день, — сказала Антонина Михайловна, приглашая выйти из машины. — И не только района, а, пожалуй, и всего города. Называется это место Оболонь... В последние годы Киев рос в основном за Днепром: Дарница, Русановка, Березники. Теперь намечено развернуть строительство здесь, на правом берегу. Уже в нынешнем году Оболонь начнет обживать.

Недалеке от нас в синем облаке выхлопных газов медленно прополз трактор с тележкой. Водитель высунулся из кабины, на загорелом лице блеснули в улыбке зубы. Денисова помахала ему рукой — улыбка на лице тракториста стала еще шире. Он что-то прокричал в ответ и неожиданно рванул так, что трактор чуть не подпрыгнул.

ЛИЧНО ОТВЕТСТВЕННА

— Старый знакомый, сколько раз ругала его за лихачество, а все такой же, — покачала головой Денисова. — Знаете, тянет меня на стройку. Я ведь инженер-строитель. Десять лет на партийной работе, а прежняя специальность не забывается.

Здесь, на Оболони, край района. Мы поехали обратно, но теперь уже другими улицами и сразу попали в окружение заводских корпусов. Авторемонтный завод. Завод штампов и прессформ. Швейная фабрика имени Смирнова-Ласточкина. Хлебозавод. Обувная фабрика...

— Давайте, Виктор, к «Ленинской кузнице», — сказала Антонина Михайловна шоферу. А мне объяснила: — Отличный коллектив, богатые традиции. Партийная организация — одна из лучших в районе.

«Ленинская кузница» — бывший Южно-русский завод. Нынче свое имя он принял в год смерти Ильича. Главная продукция завода — рыболовные суда морского промысла. Основные заказчики — два министерства: рыбного хозяйства и внешней торговли.

Наша «Волга», проскочив по высокой спине горбатого моста (завод расположен на полуострове Рыбальском), затормозила у большого серого здания парткома.

— Знакомьтесь: Иван Петрович Харченко, — представила Денисова вышедшего нам навстречу мужчину. — Секретарь заводских коммунистов и член бюро райкома. Честь, как говорят, двойная, но уж и спрашиваем мы с него за все дела тоже вдвойне... Вот сейчас о корабле спросим.

— Что ж, готов рассказать.

В честь съезда партии судостроители «Ленинской кузницы» решили досрочно сдать рыболовную морскую траулер. Вместо второго квартала — в первом.

— Спустили наконец на воду? — спрашивает Денисова, словно подзадоривая секретаря парткома.

— Что вы, Антонина Михайловна! Давно уж стоит у причальной стенки. Сегодня должны всю электрическую часть закончить...

К причалу шли через цехи. Харченко попутно показывал производство. Мне, впервые попавшему на судостроительный завод, объяснял, как строится корабль, какие для этого существуют механизмы и агрегаты. Денисова же чувствовала себя на заводе, словно здесь и работала.

В корпусно-заготовительном цехе остановились у автомата для резки деталей.

— Отладили и пустили в ход по пятилетнему плану развития завода, — говорит Антонина Михайловна. — По сути, это их родное детище. В рекомендованный проект внесли уйму конструкторских и технологических улучшений.

Сборочно-сварочный цех. Здесь освоен так называемый поточно-позиционный метод сборки судов.

— Метод не новый, он и на других заводах применяется, — дополняет Денисова короткую информацию секретаря парткома. — Но здесь придумали специальные катки для передвижения секций корабля. Го-

ворят, оригинальное приспособление. Да еще освоили горизонтальную сварку с помощью автоматов. Все это тоже новинки прошлой пятилетки...

Еще от ворот цеха Харченко показал нам на стоящий у причала траулер. На ходовой рубке ярким белым светом горел мощный прожектор.

— Ну вот, я же говорил, осветили корабль! — Парторг был горд.

— Но работы, я вижу, еще много. — Денисова показала на палубу. Там грудились витки провода, лежали какие-то детали, части от машин.

— Не беспокойтесь. Все рассчитано. Не подведем.

Антонина Михайловна хорошо знала: если коммунисты района говорят «не подведем», — так оно и будет.

Так было, к примеру, прошлой весной, когда разбушевался Днепр.

Беда, о которой вспомнила Денисова, подкралась незаметно. Вначале ничто не предвещало катастрофы. Все было как обычно. Паводок, весенний разлив. А потом Днепр, словно опрокинутый, вдруг выплеснулся на берег. Под угрозой затопления оказались не только производственные корпуса, но и многие жилые дома.

В эти тревожные дни райком партии и райисполком стали похожи на войсковой штаб в разгар вражеского наступления. Денисова, потеряв счет времени, моталась между «передним краем» — берегом Днепра — и райкомом. Ни на минуту не прерывалась связь с «боевыми подразделениями» — заводскими партийными организациями. Тысячи коммунистов и комсомольцев вышли для отпора водной стихии, их поддерживала техника — бульдозеры, тракторы, скреперы и другие дорожные машины. Все выше рос заградительный вал из песка. Из угрожаемой зоны выносились и выводилось все, что могло быть испорчено водой: станки, механизмы. В какой-то момент вода поднялась так высоко, что грозила прорваться по канализационным трубам в центральные, далеко отстоящие от берега улицы. По колено в воде, на пронизывающем ветру люди забивали люки мешками с песком, пока не закрыли воде все лазейки.

— Конечно, убытки были, — говорит Антонина Михайловна. — Но если бы не самоотверженность, прямо скажу, героизм всех жителей района, и прежде всего коммунистов, потери могли быть очень большими.

...Следующим на нашем пути был Институт сверхтвердых материалов. Громада лабораторного корпуса, оплетенная металлом и стеклом, приземистые цехи опытного завода. Здесь впервые в стране получены синтетические, рукотворные алмазы.

Пока Антонина Михайловна разговаривала с парторгом института Добровольским, его директор Герой Социалистического Труда Валентин Николаевич Бакуль показывал мне свое хозяйство. Он водил меня по этажам лабораторного корпуса, расска-

зывал, какие выгоды дает применение алмазных инструментов в разных отраслях промышленности. Все это убедительно — с помощью цифр и диаграмм, с демонстрацией. А каково было убеждать в ценности новых инструментов руководителей предприятий, главных инженеров, технологов десяти лет назад, когда все еще только началось!

В то время Денисову в первый раз избрали секретарем райкома. Познакомившись с предложениями института, она, как инженер, сразу оценила, какую роль могут сыграть синтетические алмазы в металлообработке и в повышении качества самых различных товаров. Несмотря на возражение некоторых хозяйственников, что-де новые инструменты дороговаты, что потребуют серьезной технологической ломки, она видела: будущее за ними. Пропаганда новых, сверхтвердых материалов стала для нее на долгие месяцы важным партийным делом. Она собирала в райкоме директоров и главных инженеров предприятий на технические конференции и семинары, вместе с институтом организовывала курсы для рабочих по изучению новых инструментов.

Все средства массовой пропаганды были поставлены на службу тому новому, что предлагал институт. Первые алмазные инструменты осваивались на предприятиях района. Отсюда, с Подола, пошла по стране их слава.

...Я очень коротко и бегло рассказал здесь о районе Киева — Подоле, о нескольких рабочих часах секретаря Подольского райкома партии Антонины Михайловны Денисовой, об одной ее поездке по району.

И завтра и послезавтра она снова будет среди людей, будет организовывать и решать, выслушивать просьбы и помогать, хвалить и требовать и все время чувствовать себя лично ответственной за все, чем живет район, его партийная организация. В этом ее жизнь, это ее работа.

* * *

В подпись к портрету Денисовой я добавил бы еще несколько строк — биографического порядка.

Антонина Михайловна — украинка. Родилась в Киеве. В Киеве же выросла и выучилась на инженера-строителя. Работать начала на Подоле, в одном из проектных институтов. На первых порах рядовым инженером, потом руководителем группы.

В 1955 году ее приняли в члены Коммунистической партии. Трижды избиралась депутатом горсовета. И как депутат долгое время возглавляла комиссию по благоустройству украинской столицы.

Секретарем райкома — с 1960 года. А недавно на Киевской областной партийной конференции Антонина Михайловна Денисова избрана делегатом XXIV съезда КПСС.

А. ГЛАЗОВ
г. Киев.

О МОЕМ ТОВАРИЦЕ

Я хочу рассказать о моем товарище. Валентина Федоровна Насонова 15 лет работает на нашем заводе — воронежском вагоноремонтном имени Тельмана, а я здесь с 1945 года и могу сказать: знаю ее хорошо. Так же, как и многие на заводе, особенно коммунисты. Мы все были рады узнать, что областная партийная конференция избрала Валентину Насонову делегатом XXIV съезда партии.

Когда давно и хорошо знаешь человека, уже не задумываешься, почему к нему относишься так, а не иначе, не ищешь названия тому чувству, которое он вызывает в тебе. Но пишу сейчас о Валентине — и хочется мне назвать это чувство: спокойная уверенность в человеке. А в основе его убеждение: Насонова — настоящая коммунист. Она живет в постоянном напряжении, живет так, что в любое дело вкладывает всю себя. Это в ней еще с юности. Пришла на завод восемнадцатилетней девочкой и выбрала непривычную для женщины профессию: стала электрослесарем по ремонту рефрижераторов. Дело серьезное, знать надо много и соображать, что к чему, — электрические схемы систем машинного вагона поезда-холодильника сложные. Такой вагон — это же целая фабрика по производству холода. А Валентина так освоила

дело, что получила третий разряд. Разряд для ее специальности высокий, в бригаде Виктора Пучкова, где она работает, только двое идут по четвертому: сам бригадир да Михаил Чулков.

Делать меньше, чем в ее силах, Валентине совесть не позволяет. Демонтирует она, скажем, узлы механизма, идущего в ремонт, так ни одна годная деталька из старых не пропадет. Отмоет и снова в дело пустит. А для такого предприятия, как наше, ремонтное, сбереженные детали — главная статья экономии, большой резерв.

Так же на совесть, всей душой выполняет Валя и общественную работу. Не ради красного словца сказал я о душе. Умеет Валентина подойти к людям, понять, где надо помочь, а где — спросить строго, хоть и молодая она еще — немного за тридцать.

Зашел у нас с ней как-то разговор о воспитании, о такте, о подходе к человеку. Она мне вдруг и говорит: «Знаешь, у кого я училась людей не обижать? И не отгадаешь! У своей свекрови». Я на нее смотрю — шутит, что ли? А она рассказала, как вышла замуж совсем молоденькой и мало что умела по дому. Свекровь, Прасковья Демьяновна, чтоб перед соседями ее возвысить как хозяйку, белье, например, сама постирает, а вешать невестку пошлет. Чтoб видели: умеет молодая чисто стирать. Вот так и не обидела ни разу и научила.

Порадовался я тогда за Валентину: глубоко глядеть умеет, замечает в людях лучшее, перенимает, учится...

Товарищи выбрали Валю партгрупоргом участка и не ошиблись. За последнее время партгруппа сильно выросла: было их трое коммунистов — теперь пятнадцать.

Я знаю, как она радуется каждому новому товарищу, принятому в партию, будто у самой праздник. Если рекомендует кого-то в партию, то так рассказывает о человеке, что поверишь: если его не принять, мы много потеряем. Вот, к примеру, ее «крестники» в партии — Михаил Чулков и Фаина Читова. Нет, наверное, в цехе человека такого отзывчивого, как Миша, готового помочь, чем может и умеет. И Валя всегда его ставит в пример в этом отношении, так же как Фаину уважает она за прямоту и бескомпромиссность. А у бригадира своего Виктора Пучкова, у которого еще ученицей начинала рабочую свою жизнь, учится умению организовывать людей, трудиться без спешки, но споро. В бригаде Пучкова люди работают подолгу, перенимают друг у друга не только приемы в работе, но и принципы, отношение к жизни, к людям. Здесь не любят болтунов, бездельникам не спускают. Такие не задерживаются в бригаде. Именно эта бригада вот уже год работает

без единого нарушения производственной дисциплины.

Мне, как секретарю парткома завода, приходится бывать на заседаниях бюро нашего Железнодорожного райкома и всегда приятно видеть оживленное, энергичное лицо нашей Вали — она шесть лет подряд избирается членом бюро. И какое бы дело ни обсуждалось здесь: производственные ли задачи одного из многочисленных заводов района, прием в партию или чей-то проступок, — Валентина живо участвует в обсуждении. Ее мнение всегда обоснованно, она судит решительно и страстно, с большою чуткостью вникая в судьбу каждого человека, приглашенного на бюро. И в этом я узнаю мнение и взгляды ее товарищей по бригаде, по цеху.

Но сразу жесткой, даже беспощадной Валентина становится, когда — бывает еще! — предстает перед членами бюро какой-нибудь «деятель» вроде начальника отдела труда и зарплаты одного из заводов, который за счет «мертвых душ» в штатном расписании получал для завода лишние деньги. И хоть шли эти деньги не в собственный карман, Валентина была непреклонна: она первая предложила исключить из партии виновного и передать дело в суд.

— Знаешь, — говорила она мне после, — вот из-за такого кто-нибудь усомнится и в нашей честности. Его имя произнесут и добавят: «А еще коммунист!» Я б таких людей и близко к партии не подпускала!

Честность Валентина понимает так: где слово, там и дело.

Рассказывал мне как-то А. Ф. Сычев, директор железнодорожного техникума, он одно время был тоже членом бюро райкома вместе с Насоновой: «Валентина Федоровна, пока сама не училась, никогда не спрашивала у тех, кого принимали в кандидаты или члены КПСС, учиться ли человек. И, по-моему, даже чувствовала себя неловко, когда кто-то из членов бюро советовал вступающему пойти учиться дальше — в вуз или техникум. Думаю, не выдержала она этой неловкости: с других спрашиваем, а сама... И в 1968 году поступила в наш техникум».

Конечно, не только поэтому пошла учиться женщина, имеющая двух детей, — учиться просто хотелось и для работы надо. Но эта черта, о которой говорил Сычев, она очень в характере Валентины. И учится она тоже не абы как — на высший балл. Как и все, что делает Валентина Насонова, коммунист, мой товарищ.

В. БОБРОВ,
секретарь парткома завода
имени Тельмана

Отрожка — Воронеж.

Заслу- женное доверие

Минский камвольный комбинат четыре года держит первенство в социалистическом соревновании среди предприятий текстильной и легкой промышленности страны. Свой пятилетний план комбинат завер-

шил еще 22 сентября прошлого года и сверх задания выпустил более четырех миллионов метров хороших и разных шерстяных тканей. Особая гордость и заслуга комбината: ассортимент тканей за это время обновился более чем наполовину. Осваивать новые виды тканей, не снижая норм выработки и добиваясь высокого качества — а именно так осваивают их минчане, — нелегко.

Одиннадцатый год директорствует на комбинате Мария Степановна Кононова. Трудно руководить большим коллективом, но Мария Степановна поставила дело так, что у нее

много надежных помощников — все восемь тысяч минских камвольщиков.

Директор заботится о том, чтобы любое ценное начинание, от кого бы оно ни исходило, каким бы незначительным на первый взгляд ни казалось, становилось известным всем и обязательно реализовалось.

С тех пор, как комбинат перешел на новую систему планирования и экономического стимулирования, перед производством открылись еще большие возможности.

Комбинат меняется с каждым годом. Новые станки в цехах

(совсем мало шумат!), новые детские сады и ясли (давно ли были очереди?)... Многие из того, в чем раньше только мечтались, теперь становится реальным. Сейчас, например, Мария Степановна задумала так перестроить работу, чтобы ликвидировать ночные смены для женщин.

Сделано немало, но еще больше предстоит сделать в начавшейся пятилетке. И комбинату и другим рабочим коллективам — всей стране.

Коммунисты Минской области избрали Марию Степановну Кононову своим делегатом на XXIV съезд КПСС.

Антонина Михайловна ДЕНИСОВА

Валентина Федоровна НАСОНОВА

Мария Степановна КОНОНОВА

Их избрали делегатами XXIV партийного съезда

Фото Н. Маторина,
С. Белозерова и Я. Метелицы.

«Завершить строительство Кзыл-Кумской оросительной системы, продолжить ирригационные работы в низовьях реки Сырдарьи для увеличения производства риса».

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС.

Иван Тимофеевич и Тамара Ивановна Пинежкины — машинист и помощник машиниста экскаватора. Не первый год работают они вместе на строительстве Кзыл-Кумского канала. Семейный экипаж — один из лучших на стройке.

Фото Н. МАТОРИНА.

ПОЗОР АГРЕССОРАМ

Всему миру известно, что приказ о вторжении в Лаос отдал сам президент Никсон. Между тем госдепартамент долгое время уверял, будто США в агрессии «прямо не участвуют», а лишь поддерживают сайгонские войска своей авиацией.

«Требуем правды» — с такими плакатами явились в Белый дом представительницы движения «Женщины, боритесь за мир» и Международной женской лиги «За мир и свободу» (фото американского агентства «Юнайтед пресс Интернэйшнл»).

Вероломное вторжение американско-сайгонских войск в Лаос началось в конце января нынешнего года. К южной границе Лаоса было поднято около 25 тысяч американских и 9 тысяч сайгонских солдат. 27 января Никсон отдал приказ начать вторжение.

На что рассчитывал президент? Он стремился нанести удар по национально-освободительному движению как раз на стыке трех стран Индокитайского полуострова — Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, изолиро-

вать их друг от друга и задушить борьбу народов каждой из стран в отдельности.

Но интервенты встретили решительный отпор со стороны народов Индокитая, борющихся за свою свободу и независимость. Народно-освободительная армия Лаоса ведет героическую борьбу, срывая планы агрессоров.

Все прогрессивные люди планеты требуют от американского правительства немедленного прекращения интервенции. С заявлением по поводу американско-сайгонской агрессии выступил Комитет советских женщин. «Преступные действия американского правительства, — говорится в заявлении, — вызывают гнев и презрение советских людей. Они клеймят позором американских агрессоров, несущих слезы, горе и страдания женщинам и детям Лаоса, Вьетнама и Камбоджи». Советские женщины призвали всех женщин мира множить усилия, чтобы положить конец преступлениям американской военщины в Индокитае.

Крепчают классовые бури

«Здесь бастуют!» — читаем на фанерных щитах. Это значит, что где-то остановлены конвейеры и поезда метро, застыли корабли и портовые краны, замолкло радио, погас телевизор.

В прошлом году в Англии в классовых боях участвовали 47 тысяч докеров, 70 тысяч рабочих коммунальных предприятий, 135 тысяч шахтеров. За год было около 4 тысяч забастовок, кратковременных и длительных, на небольших предприятиях и крупных, в масштабе отрасли и общенациональных.

Да разве так в одной Англии? 3 миллиона 300 тысяч рабочих и служащих различных профессий бастовало в прошлом году в Соединенных Штатах Америки, сотни тысяч — в Японии, Франции, ФРГ, в странах Латинской Америки. Никогда еще в истории рабочего движения не было такого массового уча-

стия в стачках. Решительнее, чем когда-нибудь раньше, участвуют в классовой борьбе трудящиеся женщины.

Крепчают классовые бури, раскачивая устои капитализма. Это подтверждают и первые месяцы 1971 года. Стачкой встретили новый год шахтеры Японии. Национальным «днем действий» ответили английские трудящиеся на намерение правительства принять террористический закон против забастовок. В США бастуют рабочие автозаводов концерна Крейслера.

Повышение заработной платы, утверждение профсоюзных прав и демократических свобод — это постоянное, но не единственное требование бастующих. Миллионы тружеников в странах капитала все яснее осознают необходимость коренных социальных перемен. На с ним же: бастуют рабочие Токио.

ВСЕ МЫ — ПОКУПАТЕЛИ

«Для обеспечения роста реальных доходов населения значительно увеличить товарные ресурсы, полнее насыщать рынок высококачественными товарами в нужном ассортименте, расширить объем услуг, предоставляемых населению».

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС.

Интервью «Работницы»

Каждой из нас знакома радость удачного «похода» по магазинам, знакомы и огорчения, когда чего-то «не досталось», — мы, женщины, особенно заинтересованно относимся к торговле. Вспомните, посчитайте, что купили вы за последние пять лет. Тут и телевизор, и пальто, и плащ, и костюм, и сапожки, и шторы на окна — в каждой семье найдется немало обновок, не говоря о том, что мы покупаем ежедневно. Но давайте посмотрим на все это шире, с государственной точки зрения.

— Что изменилось в нашей торговле за истекшую пятилетку?

С этого вопроса мы и начали беседу с министром торговли РСФСР Дмитрием Васильевичем ПАВЛОВЫМ.

— Директивы XXIII съезда партии предусматривали рост реальных доходов населения на 30 процентов. Фактически они выросли на 33 процента. Естественно, что люди смогли покупать больше товаров и товарооборот за это время тоже значительно вырос. Представьте себе как бы один большой магазин, в который сразу пришли все покупатели. Так вот, сумма, выбитая на их общем чеке, за эти годы увеличилась на 27 миллиардов и составляет 287,7 миллиарда рублей. Кстати, замечу, что в 1953 году весь товарооборот Российской Федерации равнялся 27 миллиардам рублей.

Давайте расшифруем эти цифры. Что продавали наши магазины в 1965 году и что продают теперь? Возьмем хотя бы холодильники. Вы помните, еще десятилетие назад многие семьи хранили свои продукты в погребе, а зимой за окном. Теперь холодильники стоят во многих квартирах. В 1965 году мы продали их 805 тысяч, в 1970-м — уже около двух миллионов. Да и холодильники 1970 года вместительнее и надежнее, чем те, что выпускались пять лет назад.

В 1965 году выпускалось

всего 1 739 тысяч стиральных машин, в прошлом году их было продано 2 588 тысяч. Пылесосов продано почти на 40 процентов больше, чем в том же 1965 году.

А что говорить про телевизоры? Они прочно вошли в быт. Люди стараются завести телевизор лучше — с большим экраном. В прошлом году было куплено 2 690 тысяч телевизоров.

Люди сейчас уделяют больше внимания своей внешности, стараются и сами хорошо одеться и детей принарядить. В магазинах — выбор разнообразной одежды. Пять лет назад швейники давали в продажу 16 миллионов пальто, теперь — свыше 25 миллионов; количество детских костюмов увеличилось с 6 миллионов до 8 400 тысяч, женских и детских платьев — с 58 800 тысяч до 80 миллионов. А посмотрите, скажем, как одеты лыжники, туристы. Эластичные брюки, яркие, нарядные куртки из капроновой ткани. Пять лет назад приобрести лыжную куртку было трудно да и выбрать не из чего: выпускали всего 43 тысячи в год. К прошлому году их производство увеличилось в десятки раз.

Сравнительно недавно наша промышленность стала выпускать детские колготки. Они очень удобны. Пять лет назад за ними выстраивались длинные очереди. Тогда производилось 2 миллиона колготок в год, а теперь в 23,5 раза больше.

— Но и сегодня некоторых товаров не хватает. Читательница нашего журнала А. Зайченко из Перми пишет: «У нас в городе трудно купить тарелку, эмалированную и алюминиевую посуду, чайные чашки». Читатель В. Чмыдин из Кировградской области жалуется, что нет в продаже одеял. «В магазинах Арзамаса нет чайников, бидонов», — сообщает Т. Эльпер. Трудно стало купить махровое полотенце, электрический утюг, мебель. Что случилось? Ведь еще недавно их бы-

ло вполне достаточно. Какие меры принимаются для того, чтобы полностью удовлетворить потребность и в этих товарах?

— Начнем с того, что ежегодно 6 миллионов человек получают новые квартиры, и это только в Российской Федерации. Конечно, новоселы обставляют их новой мебелью, приобретают холодильники, ковры, посуду. Потребность в этих вещах огромна, и, несмотря на то, что производство увеличивается, их все еще не хватает. Взять, к примеру, посуду. За пятилетку ее выпуск увеличился на 6—7 процентов. Но этого явно недостаточно.

В ближайшие годы положение на рынке должно измениться: строятся новые предприятия, основательно реконструируются старые.

Большую помощь в обеспечении населения некоторыми промышленными товарами могли бы оказать и местные промыслы. В республике около 23 тысяч колхозов и совхозов, они дают в продажу изделия из дерева, лозы, из отходов металла, гончарную посуду, строительные материалы, но пока всего лишь на 110 миллионов рублей. Да и ассортимент еще недостаточно широк.

Многое могут сделать и на местах — в областях, краях, автономных республиках. Вот только два примера. По инициативе советских и партийных организаций Пензы здесь на предприятиях начали выпускать соковарки, ножи, вилки, машинки для закатки банок. Бюро Ленинградского обкома КПСС одобрило и поддержало инициативу коллективов заводов имени Жданова и подъемнотранспортного оборудования имени Кирова по увеличению выпуска эмалированной и алюминиевой посуды, чайников из нержавеющей стали, табуреток, стеклянных стопок и фужеров.

— Дмитрий Васильевич, хотелось бы знать, как торговые организации влияют на улучшение качества товаров.

— Нас радует то обстоятельство, что качество многих из-

делий промышленности улучшилось. Но, к сожалению, попадают в продажу товары с плохой внешней отделкой, скрытыми дефектами. Как это происходит? Иногда директора магазинов, руководители оптовых баз недостаточно внимательно проверяют продукцию, а отделы технического контроля на предприятиях необъективно оценивают качество. В таких случаях торговая инспекция бракует товары, снижает их сортность.

Министерство торговли РСФСР принимает меры, чтобы недоброкачественные вещи не попадали на прилавок. В свое время ленинградская фабрика «Красная заря», например, выработывала детские носки с такими толстыми швами, что ребенок натирал бы в них ноги. Коллегия министерства запретила принимать их. Фабрика перестроила технологию, стала изготавливать хорошие носки.

Не всегда отвечают требованиям покупателей мебель, одежда, ткани, обувь. У нас есть большие претензии к таким предприятиям, как Тейковский хлопчатобумажный комбинат, Ново-Ивановская мануфактура, швейные фабрики «Салют», «Москвичка», швейное объединение «Вымпел», Рязанская обувная фабрика, Буйская мебельная.

Я мог бы привести и другие примеры.

— Скажите, Дмитрий Васильевич, в чем еще изменился спрос покупателей за последние годы?

— Изменения произошли характерные. Если сумму промышленных и продовольственных товаров принять за сто процентов, то в конце седьмой пятилетки соотношение спроса на эти товары выглядело так: 39,6 процента — на промышленные, а 60,4 процента — на продовольственные. Теперь доля промышленных товаров в покупательском спросе составляет 42,1 процента, а доля продуктов питания — 57,9 процента. Значит, доходы населения позволяют покупать больше вещей, нужных в быту, дают воз-

возможность лучше одеваться, удовлетворять культурные потребности.

И продовольственных товаров мы продаем значительно больше прежнего, скажем, мяса, рыбы — на 33 процента, яиц — на 67 процентов. Но все же спрос на мясные и рыбные продукты, яйца мы еще не удовлетворяем и намерены сделать все возможное, чтобы население не испытывало недостатка в этих товарах.

— А теперь вопрос чисто женский. Не считаете ли вы, что с появлением моды на удлиненную одежду перестанут покупать пальто и платья старого покроя? Как собирается реагировать на это министерство торговли?

— Конечно, за модой трудно поспевать. То, что вчера считалось модным, сегодня не находит покупателя. Должен сказать, что ассортимент швейных, трикотажных товаров постоянно обновляется. Женщины хорошо знают это. Они называют много новых тканей, особенно синтетических, которые появились за последние годы. Например, пелакс — капроновая ткань, покрытая специальным составом, который делает ее водонепроницаемой, сохраняющей тепло. Пальто и полупальто из нее носят многие. Именно в последние годы наша промышленность освоила выпуск нейлоновых сорочек, пальто из джерси, из синтетических тканей, дублированных искусственным мехом. Эти товары и мужчины и женщины охотно покупают.

Так что за модой следит и промышленность и торговля, но по ряду причин не всегда успеваем быстро перестраивать производство. Два раза в год представители министерства торговли и министерства легкой промышленности уточняют заказы по фасонам и моделям. Само собой разумеется, что при этом учитывается спрос населения. Что же касается удлиненной одежды, то время покажет, примут ли ее. Я думаю, что нет оснований беспокоиться о затоваривании той одежды, которую выпускают предприятия сейчас.

Наша беседа окончена. Да, многое изменилось за последнее пятилетие в торговле. Мы стали больше покупать, товаров на прилавках прибавилось. Но, как всегда, подводя итоги, мы не забываем о том, что еще предстоит сделать.

И хотя все мы покупатели и предъявляем свой спрос к торговле, мы так или иначе участвуем и в создании товаров. И от нас зависит, чтобы становилось их больше — хороших и разных.

Вела беседу Л. ОРЛОВА.

ПЯТНИЦА — КОНЕЦ НЕДЕЛИ

Майя Георгиевна Долженкова, директор московской трикотажной фабрики «Красная заря».

Мы знаем, как много делается в нашей стране для того, чтобы женщина могла сочетать общественно полезный труд с семейными обязанностями. Поистине всенародной заботой стало воспитание детей, охрана их здоровья. Ни в одной стране нет такой широкой сети дошкольных детских учреждений, групп продленного дня, пионерских лагерей. Год от года растет благосостояние народа. Миллионы советских семей переехали в новые, благоустроенные квартиры.

За последние десять лет вдвое возросло число людей, пользующихся услугами общественного питания. За пять лет в два с лишним раза увеличился объем услуг, которые оказывает нам служба быта, несравненно лучше, чем раньше, работают прачечные, химчистки, ателье. Но и сейчас совместными усилиями они берут на себя лишь небольшую часть домашних работ.

Недавно Московским городским комитетом партии принято специальное постановление «О мероприятиях по дальнейшему облегчению труда работающих женщин, оказанию им помощи в уходе за детьми и их воспитании». Подробно, в деталях, с точным указанием сроков намечены меры к значительному улучшению работы магазинов, предприятий общественного питания и бытового обслуживания.

В ближайшие два года в Москве значительно вырастет сеть предприятий сферы обслуживания. Магазины, прачечные, ателье будут более равномерно размещены по всем районам города, удобнее станут часы их работы, возрастет и расширится объем оказываемых москвичам услуг. Особенно серьезное внимание придается организации общественного питания на производстве. Откроются новые столовые и буфеты, а мелкие учреждения будут закрепляться за столовыми открытого типа. Предполагается построить много магазинов и активнее внедрять новые, современные формы торговли. В ближайшие два года во всех крупных столичных гастрономах появятся столы заказов.

Много места в постановлении уделено развитию разных форм обслуживания непосредственно по месту работы москвичей. Уже сейчас в столице немало предприятий, руководители которых стараются облегчить быт своих работников. Об одном из них, трикотажной фабрике «Красная заря», удостоенной в канун съезда КПСС ордена Ленина за образцовое выполнение заданий пятилетки, высокую производительность труда и техническое перевооружение производства, мы сегодня рассказываем.

В эту пятницу у Майи Георгиевны Долженковой внеочередной приемный день: распределяются квартиры в новом, только что отстроенном фабричном доме, и у многих вопросы к директору.

— Неудачный день выбрали вы для визита. Самая горячка! Постарается побыстрее, ладно?

Мы не возражали. Уже слышали, что на «Красной заре» умеют ценить время. Наверное, и в этом отчасти ответ на вопрос, как за минувшую пятилетку фабрика сумела вдвое поднять производительность труда. Пять лет назад лишь треть продукции, сходящей с конвейеров «Красной зари», соответствовала уровню лучших отечественных и зарубежных образцов, а теперь вся без исключения. Десять моделей заслужили государственные знаки качества: купальники, ночные сорочки, хлопчатобумажные детские гарнитуры.

— Все понимают, — говорит Майя Георгиевна, — что изделия высокого качества нельзя выпускать при низкой культуре производства. За последние годы мы почти полностью сменили оборудование цехов, механизировали ручные, трудоемкие процессы — это, конечно, главное. А потом уж стали прихорашиваться, наводить красоту и уют: стремимся создать обстановку, в которой и работать и жить было бы радостно.

Да, это мы уже заметили. Сразу, как переступишь порог проходной, поражает редкость, до щегольства, чистота и прибранность в цехах, кабинетах, даже на лестничных клетках. Не безлика, назенная аккуратность, а по-женски уютная, какая бывает только у хорошей хозяйки.

— У людей появилось ощущение родного дома, — продолжает Майя Георгиевна. — Вот это чувство мы считаем самым важным приобретением коллектива. Уже не пройдешь безразлично мимо засохшего цветка на подоконнике, мимо плохо вымытой тарелки в столовой или криво пришитой бейки на изделии соседки по конвейеру. Какая же ты хозяйка, если мириться с беспорядком в доме? Чем больше делает фабрика для рабочих, тем лучше они работают. А чем лучше работают, тем больше у фабрики возможностей заботиться о здоровье людей, их быте и отдыхе. Планы на новую пятилетку в этой области? Собираемся строить профилакторий, расширять нашу базу отдыха. Еще хотим сделать что-то вроде своего бюро добрых услуг: приглашать парикмахеров, закройщиков из ателье, сапожных мастеров.

Майя Георгиевна посмотрела на часы, заторопилась:

— Что ж, пойдите посмотрите, как мы живем...

...В просторном зале швейно-закройного цеха № 2 неожиданно и празднично повеяло летом. Размеренно стрекочут машины. Разбит в глазах от ярких лоскутов, лент, тесьмы. Шьют купальники, плавки, спортивные майки. И всюду цветы, зелень на окнах, в проходах.

Вот он, десятый конвейер, где работает бригада Александры Камыниной — одна из лучших на фабрике, в числе первых получившая звание бригады коммунистического труда.

Обычный рабочий день. И все-таки ощущается пятница.

С обеда все вернулись с авоськами, пластиковыми мешочками, полными провизии, по пятницам в столовой продают полуфабрикаты. Удобно! Не бегать по магазинам.

Стрелки часов подползают и четырем. Замолкает стрекот машины. Появляются зеркала, расчески, пудреницы. Привести себя в порядок — и домой!

Несколько работниц по дороге забегут за сынишкой или дочкой в фабричный детский комбинат. Соскучились ребята за неделю. Наверное, уже облепили двери и подоконники, высматривают, не идет ли мама.

Еще недавно трудно было устроить малыша в садик — ждали очереди по месяцам. Сейчас — приводите хоть завтра. Новый комбинат «ясли-сад» круглосуточный, на 280 ребятшек. А летом своя дача. Лагерь для школьников тоже свой.

Девушки из бригады Камыниной решили после работы сбежать в магазин «Силуэт» — свой, фирменный, где на прилавках только продукция «Красной зари». Открылся магазин как раз под Новый год. Для всей фабрики был праздник. Сами оформляли витрины, мыли окна и двери. Директором поставили тоже свою работницу. Когда ни зайдешь в магазин, обязательно встретишь кого-то из фабричных. Стоят, рассматривают вещи, недавно вышедшие из их рук, ревниво носят на покупателей: нравятся?

Вчера на традиционном цеховом «Дне качества» камынинской бригаде попали: критиковали, что неряшливо принимают пряжку на купальнике, остаются необрезанные нитки. В магазине Света Зюзица снимает со стеллажа красно-синий купальник, умело выворачивает шов. Верно, торчат нитки. В цехе казалось, что пустяк, зря придираются. А здесь, под взглядами покупателей, стыдно.

Шумно сегодня в уютном, сверкающем чистотой фабричном общежитии. Канун выходного! Надо побыстрее поужинать, навести красоту и бежать. Куда? Ну, это вопрос не совсем скромный. Во всяком случае, Яна Евсевича отвечать из него не хочет. Она почти готова и теперь занимается прической подружки Наташи Куприенко. Эту черноглазую быстрюю девушку мы уже видели в бригаде Камыниной. Яна работает в том же цехе, на соседнем конвейере. И живут девушки рядом, через стенку.

Из-за дверей фабричного клуба — голоса, смех, звуки настраиваемых инструментов. Идет последняя репетиция. Завтра молодежный вечер — большой концерт, танцы. И, конечно, выступит общая любимница — агитбригада с острыми частушками, сценками, стихами, высмеивающими фабричные неполадки.

А где же бригадир? Мы не видели Александры Егоровны Камыниной ни в детском саду, ни в клубе, ни в магазине. Тихонько заглянем в окошко ее квартиры. Горит настольная лампа, и две головы — мальчишеская, с вихрами, и гладко причесанная, женская — склонились над книгами. Учится сын, первоклассник Сережа, учится мама. Двадцать лет отработала Александра Егоровна на фабрике, простой швеей начинала. «А на четвертом десятке вздумала науками заниматься», — смеется она, — в техникум пошла».

Кончается хлопотливая пятница. Впереди два выходных. Два дня для семьи, отдыха, учебы. Пусть они принесут радость.

ПЯТНИЦА — КОНЕЦ НЕДЕЛИ

«Осуществить мероприятия по созданию советской женщине-матери лучших условий труда и быта и условий для воспитания подрастающего поколения».

Из проекта Директив
XXIV съезда КПСС.

Фоторепортаж
Т. КОСТЫГОВОЙ,
Н. МАТОРИНА.

Направляясь на Селигер, мы завернули к Гале.

Деревянный домик на одной из одноэтажных окраинных улочек заселен, будто голубятня. Не считая родителей, здесь живут сама Галя, ее муж и дочка, а также брат Гали, которого зовут Лель, со своей молодой женой. И все что-то рисуют, пишут, лепят...

Два дня мы живем среди акварелей, которые нарисовал Лель, да Галиных скульптур, да деревяшек, на которых жена Леля выжигает дивные пейзажи. Вдобавок Галя сочиняет стихи:

От ветра из Атлантики, от влажного тепла
В дожде зима растаяла и в речку утекла...
Ах, лужи, лужи, лужицы! Ах, лужам нет
конца...
О чем, березка, тужишь ты у моего
крыльца?

Это из одного стихотворения. А вот еще:
Все как-то неприятно мне.
В природе холодно и трезво...
Щербатый месяц в черной мгле,
Как раскаленное железо.

Все те же краски русских зим,
Все те же русские названья,
Ночей есенинская синь
И ветра волчье завыванье...

И еще у нее о зиме, о весне, о себе:

Горькая рдеет калина, горькая мерзнет
рябина...
Осень! В глазах моих осень! Грустно
и горько очень.
А я, как семнадцатилетняя, вдруг
увлеклась поэтами,
Работаю как одержимая, хочу быть тобою
любимой.
Я стужи не принимаю, я новой весны
ожидая,
Я вдруг за стихи засела, я вдруг про
весну запела...

Галя некогда прислала мне, как профессионалу, эти стихи и еще другие. И так же, как отвечают профессионалы, я достаточно жестко, даже резковато критиковал и поучал ее. Только попав в этот странный дом, я понял, что дело вовсе не в стихах — плохих или хороших. Искусство, каково бы оно ни было, являлось здесь языком самовыражения, и когда не хватало слова, Галя лепила, ваяла, разрисовывала.

Воздух искусства сладок и заразителен.

У Гали на столе миниатюрные статуэтки женщин, каждая в национальном костюме. Пестро, как на ярмарке. У сына моего глаза разгорелись от такого красочного богатства, от обилия игрушек.

— Это кто? А это? А это? — спрашивал он без конца.

Будь моя воля, отдал бы я сына сюда в подмастерья, в ученики, как прежде делали умные люди. Чтобы краску научился растирать, глину замешивать, с темперой колдовать... Глядишь, вышло бы из него что-нибудь путное, серьезное. Не художник, так стоящий человек вышел бы из него, это точно.

А Галя между тем объясняет:

— Эта, которая с платочком, тверская женщина, а вот эта наша новоторка, а вот осташенка, которая селигерская...

Очень мне хочется посмотреть, как же осташенки прежде наряжались. Я беру хрупкую статуэтку в руки и рассматриваю. Все тонко и изящно выполнено: и кокошник, и узорчатый передник, и красный сарафан.

ГАЛЯ

А. ПРИСТАВКИН

Галя говорит:

— Кисточек нет, вот проблема. Мы из маминых волос делаем. У мамы хорошие для этого волосы, жесткие, прямые. Лель вон вчера опять кланчил: «Мам, ну, дай волосиков на кисточку...» Начали искать, откуда бы выстричь, чтобы аккуратно.

Я все держу свою осташенку, и отпускать ее неохота. Почему-то вспомнилась частушка из записей Виноградова:

Прощайте, елочки-сосеночки,
Березовский приход,
Прощайте, милые девчоночки,
Сажусь на пароход...

Рисунок В. ДЕДЯЕВА,

Рассказ-быль

Это точно селигерское: березовский плес, березовский приход в Залучье и девочка в кокошнике, в переднике цветном на пристани...

— Понравилась? — спрашивает Галя. — Так бери, я еще сделаю. Мне только бы альбом с русскими костюмами достать. Я уж по музеям езжу, зарисовываю. Из каких

мест тебе бы еще хотелось увидеть женщин?

— Смолянку бы, — говорю я.

И вспоминаю Птушеньку, родную деревню отца, и древнюю, древнюю Смоленщину. Удивительные там женщины!

— Ну, так получай, вот она...

И опять Галя говорит, что раскрашивать изделия очень непросто.

В прежние-то времена краски, как известно, замешивались на яйцах. В скорлупе пробивалось отверстие, и белок весь выливался. А оставшееся пространство заполнялось краской, которая перемешивалась с желтком. Объем скорлупы диктовал и определенные пропорции... Все это теперь забылось.

— А это кто? — спрашивает сын, показывая на очередную скульптуру.

— Не узнаешь разве? Ну-ка посмотри внимательнее!

— Лель, да?

— Дядя Лель, — поправляю я сына.

— Из папье-маше делала, — объясняет Галя, засмеявшись. — Годовую подписку газеты извела!

— А это кто?

— Это? Моя дочка.

Я не говорю Гале, но отлично помню, что у нее есть стихи о дочке:

Словно спелый персик — вся пушистая,
Теплый и доверчивый комок.
Солнечная, свежая и чистая,
Легкая, как тающий дымок...

Мы выходим во двор, где лежит заготовка для деревянной байдарки, похожая на скелет большой рыбы. Это Лель мастерит. Ванюшка около него вьется, не отходит, только слышно: «Лель, Лель, Лель...» — будто колокольчик звенит.

— Лель, это вы на Селигер на байдарке поедете?

Я опять поправляю: не Лель, а дядя Лель. Нашел себе дружка!

А еще я говорю:

— Ванюша, нам пора на Селигер.

Все стоят, смотрят, как мы отправляемся. Галя протирает свои круглые, не очень модные очки и кричит:

— Эй, не утоните! И заезжайте на обратном пути! Я не успела вам многого показать.

Мы говорим, что обязательно заедем, и трогаемся в путь.

...Познакомился я с Галей в Братске, на строительстве железной дороги Тайшет — Лена, что тянулась вокруг будущего Братского моря. Трасса там была тяжелая, через болота и тайгу. Первые несколько лет ребята жили в палатках, рубили лес, воевали с мошкой да ждали писем.

Галя водила меня по поселку, показала первые землянки, первый построенный дом, говорила о страшных пожарах, которые они пережили. Потом сказала, что поэты сюда не добирались, художники тоже, а ведь потом будет вспоминать первопроходчиков, и как хорошо бы все это увековечить.

— Я уж и рисовать здесь пробовала, — созналась Галя. — И стихи вот. Плохо? Так я и сама знаю, что слабые строчки есть, но ведь вы ж сюда не едете, а кто-то же должен писать!

У меня сохранилась эта первая ее тетрадь, про которую Галя сказала в «первозданной чистоте»... Первое же стихотворение начинается со строк: «Лютуй, сибирская зима, вали на хрупкие палатки! Лютуй и жми во все лопатки, не испугались мы тебя...»

Пожалуй, в этом весь ее характер. Она описывала, как двенадцать девчонок из маленького среднерусского городка решились ехать на стройку по призыву таежных ребят, как нелегко им было прижиться, копать землю, как они по ночам плакали: очень уж руки болели. Про руки у нее, кстати, тоже написано:

Не прячь от пытливого взгляда
Рабочие руки свои.

Твоей красоты и наряда
Испортить не могут они.
Пусть их разъедает известкой,
Пусть их обжигает огонь,
И стала сухою и жесткой
Мозолистая ладонь!
Но честные, смелые руки,
Они закалились в труде,
Они не боятся разлуки,
Они не оставят в беде...

Жизнь у Гали сложилась непросто: где-то за Уралом, на «западе», как говорят сибиряки, остался ее первый муж, здесь, в тайге, была у Гали другая свадьба. Все на этот раз было по-другому, хотя тоже непросто. А вот ее стихотворное письмо, взятое из той же тетради:

Здравствуй, друг, письмо я получила
О любви, о доме, о луне,
Что тебя замучила кручина,
Что пора б одуматься и мне,
Что на письма стала я скупой...
Но у нас нет почты, не забудь,
И за ними снежною тропею
Раз в неделю ходит кто-нибудь...

И на эти уговоры, призывы к житейской мудрости издалека Галя, как бы посмеиваясь, отвечает: «Мне прожить бы, с бурей не споря, не мешая, не перечая злу, так, не зная радости и горя, я, глядишь, до рая доползу...»

Однажды ночью втроем — Галя, я и еще один поэт — прошли десятки километров по тайге в поисках жилья. А потом вышли к только что построенной станции Веселый Бор, где горбатый начальник станции наполнил нас чаем и уложил в постели. На утренней заре я новыми глазами взглянул на тайгу, на дальние сопки в розовой заре, на тонкие, пронзительные рельсы...

— Вот здесь я встретилась с медведем, — сказала Галя. — Тогда ничего еще тут не было, одна только чаща. Ребята наши тогда, помню, бороды себе отпустили...

А вот и стихи об этих ребятах, которые строили дома для других:

Им самим бы в дворцах поселиться,
Им самим вздыхать бы под клемами,
Мыть под душем тела и лица,
Потом собственным просоленные.
Им самим бы ходить по асфальту,
Да удержишь ли их на запоре,
Если где-то наносят на кальку
Новый город и новое море...

Как-то в майский зеленый день я получил от Гали письмо. Почему-то вместо поздравления в письме лежала вырезка из старой газеты «Ангаро-ленская магистраль» за 1959 год и фотография тайги. А внизу подписано, что это — место будущей станции Веселый Бор.

Я понял, о чем думала Галя, когда послала это. И ее весеннее беспокойство и тоску, птичью тоску по дальним неоткрытым землям...

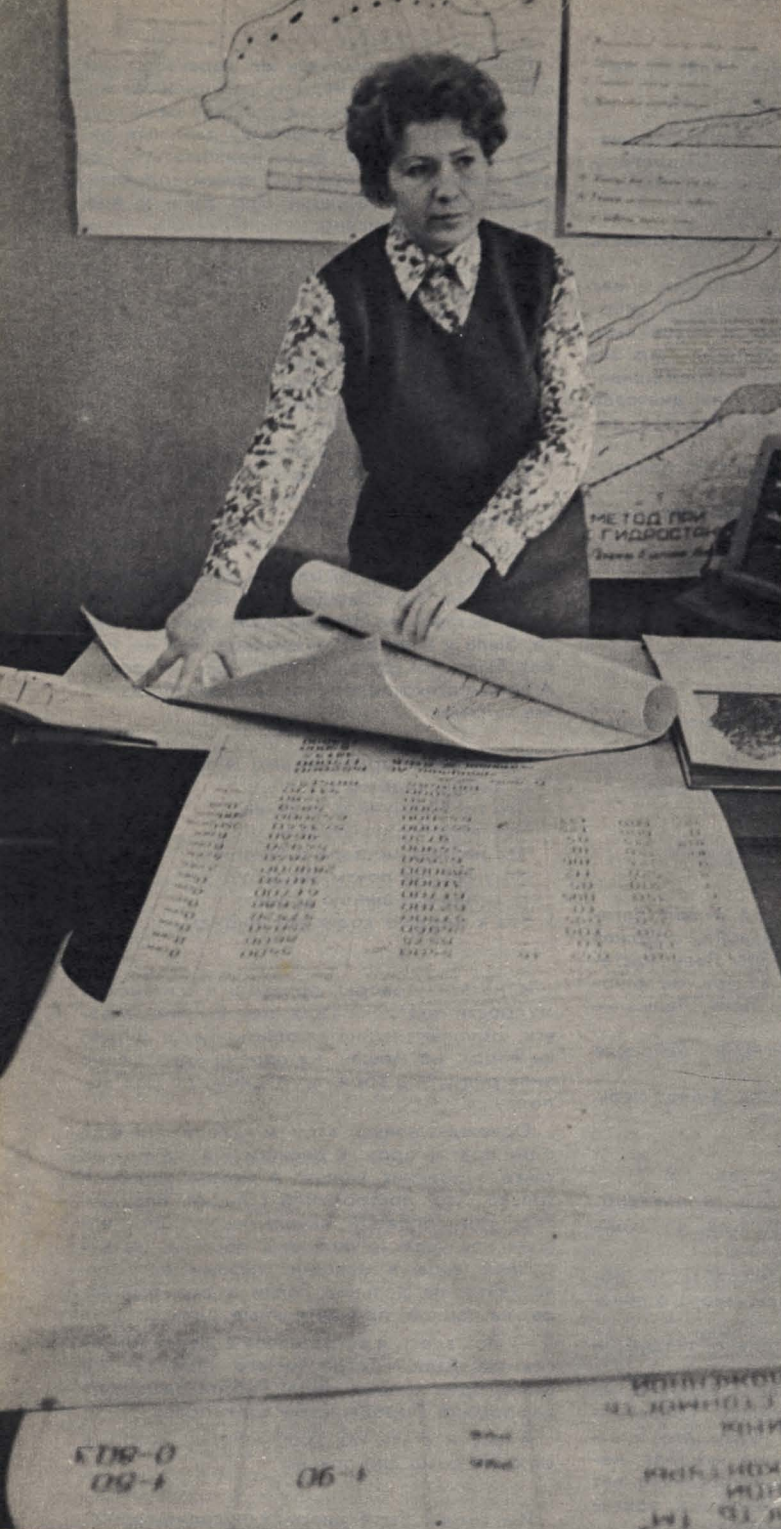

Фото И. Константинова.

Г. Н. ЕФИМОВА, главный технолог треста «Союзвзрывпром» Министерства монтажных и специальных строительных работ СССР

За этим уникальным взрывом созидания наблюдали не только с земли, но и с вертолетов. Гигантский, причудливой формы кактус, поднявшийся в воздух 21 октября 1966 года в урочище Медео, поразил всех, даже специалистов.

Когда утихли гул и грохот, на месте осевшего кактуса воз-

вышался стометровый холм — почти готовая каменно-набросная плотина, призванная защищать город Алма-Ату во время паводков от грязе-каменных потоков с гор. Произошло событие, открывающее новую страницу в летописи мирных взрывов.

Сейчас, пожалуй, трудно най-

«...ускорить темпы научно-технического прогресса путем всемерного развития исследований в перспективных областях науки, сокращения сроков внедрения результатов научных исследований в производство...».

Из прое

■ СТРОЯТ ВЗ ▲ КОРМА ИЗ ● ЧАШКА НА КОНВЕ

Говорят командиры ш

ДЕВЯТАЯ ПЯТИЛЕТКА УЖЕ ШАГАЕТ ПО СТРАНЕ, ПО ПРЕДПРИЯТИЯМ И СТРОЙКАМ. КАК ВНЕДРЯЮТСЯ СЕГОДНЯ ДОСТИЖЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА, РАССКАЗЫВАЮТ НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ Л. СТИШКОВСКОЙ ЖЕНЩИНЫ — КОМАНДИРЫ ПРОИЗВОДСТВА.

ти в стране такое место, где бы наш трест «Союзвзрывпром» не вел работ. Это и среднеазиатские республики, и Заполярье, Камчатка, Донбасс... Недавно мы подсчитали: каждый день производится 100 тысяч взрывов. Взрывов-карликов и великанов, каскадов и единичных. Они помогают строить электростанции, прокладывать дороги к альпийским пастбищам, добывать уголь, руду, стройматериалы, тушить пожары... Они поворачивают реки вспять, сдвигают горы. С их помощью появляются новые острова.

Что же конкретно сделано нами в последней пятилетке? Сразу скажу главное: трестом взорвано 666 миллионов кубических метров горной породы. Это значит, что с помощью взрывов добыты миллионы тонн руды и угля, построены Ждановский и Маднеульский горно-обогатительные комбинаты, орошены сотни тысяч гектаров засушливых земель.

Кажется, совсем недавно была создана направленными взрывами Байпазинская плотина на бурной реке Вахш, а уже с орошенных земель собрано два урожая хлопка и получена прибыль 35 миллионов рублей.

Что касается других интересных работ, то нельзя не сказать об Аму-Бухарском канале, при строительстве которого одновременно был взорван участок длиной в 14 километров.

Потребность в мирных взрывниках год от года растет. Причина проста. С помощью взрыва можно вести работы в самых труднодоступных местах. И вся сложная горная и строительная техника — экскаваторы, автоматические щиты для проходки туннелей и шахт — вступает в действие только после того, как взрыв раздробит

на достаточно мелкие куски массивы горных пород. Строить взрывом быстрее, а следовательно, и экономичнее. Вскрытие Алтын-Топканского месторождения полезных ископаемых взрывом сократило срок ввода карьера в эксплуатацию почти на полтора года. Строительство плотин по защите Алма-Аты от селевых потоков обычными землеройными механизмами потребовало бы три миллиона рублей дополнительных расходов.

Несведущему человеку может показаться, что взрывать просто. Хочу рассеять это заблуждение.

Просто ли отрезать взрывом паровой винт, который иначе никак не снимешь для ремонта? Просто ли свалить взрывом ставшую ненужной на заводе бетонную трубу, да так, чтобы она упала на определенное узкое пространство, если рядом в цехе ни на минуту не останавливается производство? Думаю, вы скажете, что это нелегко. А ведь я привела самые элементарные примеры. Перед нами встают задачи в тысячу раз сложнее. И все должно быть рассчитано, выверено.

Когда 20 лет назад гремели взрывы на Дедовом поле в Вологодской области, где мы осушили болота, мне, в то время начинающему взрывнику, и не мечталось, что взрыв приобретет такие новые специальности, которые позволяют ему выполнять точную и ювелирную работу. Маленький заряд дешевого взрывчатого вещества заменяет при искусном применении тысячеконные прессы. При чем взрыв штампует металл точно по чертежу, примеряясь ко всем требованиям конструкторов. Чтоб окончательно убедить вас в широте диапазона использования взрыва, скажу, что два года

ского прогресса
ований в наибо-
и сокращения
лучных исследо-

кта Директив XXIV съезда КПСС.

РЫВЫ НЕФТИ ЙЕРЕ роизводства

Т. П. ГРИЦЕНКО, начальник производственно-технического отдела
Управления промышленности белковых веществ и
ферментов Главного управления микробиологиче-
ской промышленности

назад на волгоградском заводе
«Красный Октябрь» и подоль-
ском заводе имени Орджоники-
дзе по разработанной нами тех-
нологии началась сварка метал-
лов и вальцовка труб взрывом.

В распоряжении современно-
го взрывника новейшие буровые
станки. Процесс бурения и
большинство трудоемких горно-
проходческих работ сейчас пол-
ностью механизированы. Те-
перь взрывник может себя чув-
ствовать в полной безопасности.

Мне, как главному технологу
треста, приходится заниматься
усовершенствованием техноло-
гии буро-взрывных работ, отработкой
параметров и методов
их ведения, внедрением новых
видов взрывчатых веществ и
средств взрывания. Из послед-
них работ, в которых я приня-
ла участие, мне более всего
запомнились две самые слож-
ные: строительство канала Ир-
тыш — Караганда и сооружение
селезационной каменно-наброс-
ной плотины близ Алма-Аты.
Перед началом взрывных работ
на канале выяснилось, что вме-
сто мягких грунтов перед нами
скальные породы, по кото-
рым вдобавок из озера стекает
вода. Пришлось увеличить вес
зарядов, пересчитать расстоя-
ние между ними, а чтобы взрыв-
чатые вещества не намокли,
ускорить процесс зарядки.

Новая пятилетка для нашего
треста началась в августе
прошлого года. В Узбекистане идет
освоение Каршинской степи.
Строится магистральный канал,
который сделает плодородным
миллион гектаров земель, а в
Киргизии с вводом Кировского
водохранилища будет орошено
55 тысяч гектаров засушливых
земель и улучшено водоснабже-
ние 80 тысяч гектаров.

Изучение взрыва связано с
точным измерением очень высо-
ких скоростей, гигантских да-
влений и необычайных концен-
траций энергии. Такое стадо
под силу науке сравнительно
недавно. Теперь есть все пред-
посылки для того, чтобы древ-
нее взрывное дело догнало са-
мые передовые области совре-
менных знаний.

Потому-то и радуемся мы,
взрывники, читая в Директивах
прямо относящиеся к нам строки:
«...внедрять принципиально
новые орудия труда и техноло-
гические процессы».

И отдел, которым руководит
Татьяна Петровна Гриценко, и
само Главное управление воз-
никли совсем недавно. Если бы
существовала книга, в которую
каждые пять лет записывали
время рождения заводов, фаб-
рик, отраслей индустрии, то
микробиологическая промыш-
ленность была бы занесена в
графу: восьмая пятилетка.
А уже в проекте Директив
XXIV съезда КПСС по девятой
пятилетке мы читаем:

«Ускоренными темпами раз-
вивать микробиологическую
промышленность».

— Чем вызвано такое
особое внимание к
новой отрасли? — Это был
первый вопрос, с которым мы
обратились к Татьяне Петров-
не.

— В последние годы стало яс-
но, что современная микроби-
ологическая наука может много
дать экономике страны. Микробиологам
удалось получить из
нефти кормовые дрожжи, кото-
рые в несколько раз улучшают
питательные свойства корма для
скота и, стало быть, повышают
продуктивность сельскохозяй-
ственных животных, сокращают
расход фуражного зерна. Но это
не все: препараты из бактерий,
грибков и вирусов делают пло-
дородней землю. Они же обе-
регают урожай от вредителей.
Лечат болезни растений. Мощ-
ные биологические катализато-
ры могут сократить время про-
изводственных процессов в пи-
щевой и легкой промышленности,
позволяют вырабатывать
из того же количества сырья
больше товаров высокого ка-
чества.

Чтобы получать необходимые
вещества не в килограммах, а в
тоннах, производство их из экс-
периментальных цехов и лабо-
раторий шагнуло на заводы.

— Татьяна Петровна,
расскажите подробнее
о кормовых дрожжах,
ведь именно этим вы
занимаетесь.

— Видимо, вам не раз прихो-
дилось сталкиваться в произве-
дениях научной фантастики с
таким сюжетом: ученый изобре-
тает необыкновенное вещество
— порошок, способствующий
быстрому росту животных.
И вот на какой-то ферме появ-
ляются куры-гиганты величи-
ной чуть ли не с теленка, и
бродят по полям стада коров,
напоминающие мамонтов. В
этих рассказах находили свое
выражение давние мечты людей
об изобилии и надежды, что на-
ступит время, когда наука смо-
жет решать такие задачи. Надо
сказать, что ученые разделяют
эти надежды. Ведь то, чего уже
удалось сегодня достигнуть,
вчера еще казалось фантасти-
кой.

Нефть и корм для животных!
Что, казалось бы, может быть
несовместимой? Однако как раз
в нефти нашли микробиологи
кладовые жизни, кладовые ве-
щества, необходимые для соз-
дания белка. Специальные мик-
роорганизмы, поглощая жидкие
очищенные парафины — один
из продуктов нефти, — создают
биомассу, белково-витаминный
концентрат. Эти дрожжи быстро
растут и быстро накапливают
белок. По своей биологической
ценности он приближается к
белкам животного происхожде-
ния.

Конечно, наш порошок — бел-
ково-витаминный концентрат —
не может пока превратить ку-
рицу или поросенка в исполина.
И все же мы добились не-
плохих результатов. Свиныя,
получая обычный рацион, прибав-
ляет в весе 200—300 граммов
ежедневно. Если же ей добав-
ляют в корм белково-витамин-
ные концентраты, прирост в ве-
се достигает 600—650 граммов.
Использование концентрата

не ограничивается свиновод-
ством. Добавляют его в корм
коровам, овцам, мясным цып-
лятам-бройлерам. А пушные звери
при этом не только быстрее
растут, у них и мех становится
лучше.

— Со дня создания новой
отрасли промыш-
ленности прошло четыре
года. Каких успехов
вы добились?

— Над проблемой получения
кормовых дрожжей из нефти ра-
ботали и работают ученые мно-
гих стран. Но только у нас впер-
вые в мире создана промышлен-
ная технология и начато произ-
водство кормовых дрожжей.
Комбинированные заводы получа-
ют десятки тысяч тонн порош-
ка в год, а в новой пятилетке,
как вы уже читали в проекте
Директив, выпуск кормовых
дрожжей предполагается увели-
чить в 3,5—3,7 раза. Будет раз-
виваться и промышленное про-
изводство белково-витаминных
концентратов.

Сейчас совершенствуется тех-
нология производства кормовых
дрожжей. Ученые стремятся
найти такие микроорганизмы,
которые могли бы ускорить
рост биомассы, а также доби-
ваются, чтобы кормовые дрож-
жи содержали больше белка и
витаминов.

Старт неплохой! Ведь за эти
четыре года сельское хозяй-
ство, кроме кормовых дрожжей,
получило от новой отрасли про-
мышленности кормовые анти-
биотики и ферментные препа-
раты. Осваивается производство
бактериальных удобрений и
микробиологических препара-
тов для защиты растений. Еще
больше сделает микробиологи-
ческая промышленность в но-
вой пятилетке, чтобы страна
получала дополнительно мил-
лионы тонн мяса, овощей и
фруктов.

Т. Н. ФОМИНА, главный инженер новгородского фарфорового завода «Пролетарий»

— Вы знаете, сколько прежде надо было времени, чтобы сформовать вот это?— Тамара Николаевна Фомина показала простенькую чашку с золотой полоской.— Три часа. Сейчас на ее формовку уходит всего 40 минут. Благодаря чему? В минувшем пятилетии наш завод, которому осталось немного до ста лет, можно сказать, родился заново. Идет грандиозная его реконструкция. Началась она с главного — печей для обжига фарфора. Взамен старых, возле которых были настоящие тропики, построены более мощные, современные. Догадаться о том, что в недрах такой печи жар достигает 1400 градусов, теперь можно, лишь заглянув в смотровое отверстие.

По заводу движутся ленты конвейеров, их более 50. Одна лента подает сформованные тарелки в печь для обжига, на другой — сверкающие белозной чашки. К ним прикасаются руки с кисточкой: мазок, еще мазок... Движутся ленты — от рабочего к рабочему, от цеха к цеху. А совсем недавно эти горы блюд, мелких и глубоких тарелок, чашек переносили с одного места на другое люди. Переносили вручную — в ящиках и на длинных досках.

Изготовление посуды — древнейшее ремесло. И главное приспособление для ее производства — гончарный круг известен людям уже несколько тысяч лет. Дожил он и до наших дней. И хотя в современ-

ное производство гончарный круг вошел модернизированным, вращающимся механически, все же изготовление посуды оставалось до последнего времени в основном ручным, а значит, тяжелым, медленным.

Теперь в наших цехах вместо несовершенных формовочных машинок стоят полуавтоматы. Специальное устройство «отрезает» определенный кусок фарфоровой массы, и через минуту автомат придает ему нужную форму.

Техника пришла на помощь людям, заменила их руки. Слова «механизировано», «автоматизировано» стали привычными и в фарфоровом производстве. Надо ли говорить, с какой радостью приветствуют эти перемены рабочие и инженеры. Новую технику мы стараемся освоить в кратчайшие сроки. Первая современная печь для обжига фарфора была введена в строй за полтора месяца вместо шести по норме, а вторая уже через 20 дней выдала готовую продукцию.

В связи с реконструкцией завода инженерам многое пришлось перестроить в своей работе.

На наших плечах — новая организация производства, освоение новой техники. И в технологическую часть проекта реконструкции по мере его претворения в жизнь мы все время вносим поправки. Через два года, когда реконструкция завода

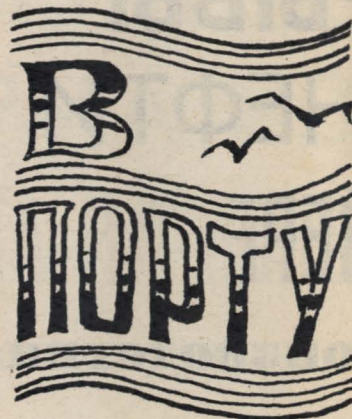
полностью закончится, «Пролетарий» станет образцом по технике и технологии. Будут введены в строй еще девять печей, смонтирован пятикилометровый толкающий конвейер, который свяжет воедино все участки и цеха и сократит количество занятых на транспортных и подсобных работах вдвое. Выпуск продукции возрастет более чем в полтора раза.

С каждым годом посуды требуется все больше. Все придирчивее отношение и к ее качеству. Мы теперь слышим от своих заказчиков: «Давайте не отдельные чашки, а сервизы и обязательно красивые». Больше того, люди сейчас хотят приобретать сервизы разные — чайные, кофейные, столовые. Завод учитывает эти требования покупателей. Только в прошлом пятилетии с «Пролетария» ушли десятки тысяч самых различных сервизов. Чашки, чайники, сахарницы ста двух фасонов получили от нас покупатели. Часто меняются и рисунки на наших сервизах. Художники придумывают все новые и новые.

В ближайшие годы реконструированный «Пролетарий» будет выпускать 48 миллионов фарфоровых изделий в год. Так что и наш завод внесет свою долю в выполнение тех планов, которые записаны в проекте Директив новой пятилетки: увеличить производство фарфоро-фаянсовой посуды в 2 раза.

Сергей КОЗЛОВ

Мы пришли сегодня в порт.
Мы стоим разинув рот.

Та вода, что у причалов,
И которая вдали,
И в которую сначала
С моря входят корабли,—
Эта территория
Зовется акватория.

Пошумев моторами,
Выпустив дымок,
Через акваторию
Мчится катерок.

Словно цапли-великаны,
По причалам ходят краны,
Носят в клювах финики
С острова Мартиники.

Танкер нефтеналивной
К пристани стоит спиной,
А к плавучим докам
Повернулся боком.

Мимо бочек и досок
С каблучка да на мысок
Обойдем мы все причалы,
Постоим, пойдем сначала...

Это кто на весь причал
Хриплым басом зарычал?
Как же тут не зареветь?
Как же тут не загудеть?
Старый, бурый лесовоз
Полтайги сюда привез,
А посажен, как медведь,
Здесь на якорную цепь.

Мимо бочек и досок
С каблучка да на мысок
Обойдем мы все причалы,
Постоим, пойдем сначала...

Чайки носятся в порту.
С обезьянкой на борту,
Посетив другие страны,
Захватив китовый ус,

Встал на рейде очень странный
Иностранный сухогруз:
Сухогруз алжирский-
Полупассажи́рский.

Мимо бочек и досок
С каблучка да на мысок
Ходит важный старичок,
Аккуратный морячок,—
Трубку курит в кулачок,
Носогреечкой пыхтит
За порядчком следит...

Грузчики кричат: — Вирай!
Грузчики кричат: — Майнай!
— Вирай Вирай Подымайте!
— Майнай Майнай Опускайте!
Майна — вниз!
Вира — вверх!
Топот,
Грохот,
Шутки,
Смех.
Разгружают пароход:
Это прибыл бегемот.

А к причалу номер два
Привезли живого льва.
Клетку тросом подцепили,
«Вирай!» — крикнули,
И вот
Лев по воздуху плывет:
Льва живого погрузили
На турецкий пароход.

В трюме лев мигнул, зевнул —
И отправился в Стамбул.
Лев — силач,
Лев — трюкач,
Лев —
Потомственный
Циркач!

А в порту грузовики
Возят ящики,
Тюки,
Возят уголь,
Лес,
Овес.
Даже старый паровоз —
Хоть у деда много дел —
Въехал в порт
И загудел:
— Я приехал под руду-у-у!!!
Кто с рудой на борту???

День и ночь
Грохочет порт.
Мы стоим разинув рот.

Рисунки Л. СЕРГЕЕВА

«ДЕЛО

О СОБЛАЗНИТЕЛЬНОЙ

ФИГУРЕ»

«Его величество изъявило волю свою, чтобы выставка и отделка подобных сему соблазнительных фигур была повсеместно воспрещена с истреблением таковых». Так заканчивалось решение, принятое 9 февраля 1823 года Кабинетом министров Российского государства. Речь шла о сатирической фарфоровой скульптуре, сделанной на заводе купца Храпунова в начале XIX века: монах несет на спине сноп, в котором спрятана молодая женщина.

Сатирическое изображение служителей культа в русском народном искусстве всегда отличалось реалистичностью и остроумием. На лубочных картинках, в песнях, пословицах и поговорках народ метко и смекалисто высмеивал дьяков, попов, монахов. Деревянные игрушки, глиняные и фарфоровые фигурки с тонким юмором и задорной издевкой обличали пороки духовенства: обжорство и жадность, пьянство и разврат. Подобное «крамольное» искусство преследовалось царскими властями и церковью. Но никакие запреты не помогали.

Сатирические фарфоровые фигурки, подобные той, что вы видите на снимке, бойко продавались в лавках и на ярмарках. Несмотря на относительно высокую цену, даже крестьяне, скопив денег, охотно покупали эти скульптурки. Большой спрос на них вынудил известный фарфоровый завод Гарднера выпускать таких же «кукол», а купец Храпунов начал производство фарфоровых графинов в виде монаха, поднявшего руку для благословения; в руке было отверстие для разлива вина, а монашья шапка—клубок—служила пробкой. Торговцы зорко следили за тем, чтобы фигурки «насквили» не попались на глаза полиции, чиновникам или церковнослужителям. Но случилось так, что на ярмарке в Саратове скульптуру монаха со снопом увидел архимандрит Савва, настоятель местного монастыря.

Саратовское губернское управление рассмотрело жалобу архимандрита, и Савва получил «разъяснение» об означенной кукле. Ему ответили: «Кукла не заключает в себе ничего соблазнительного, напротив того — изображает чело-веклюбие монаха, который, забыв слабость своих сил, со-

страдая к невинности, гонимой, может быть, злодеем, избавляет ее от предстоящей погибели».

Эта отписка, очевидно, была сочинена в управлении после того, как перепуганный купец, в лавке которого Савва обнаружил «фигуру», поспешил дать взятку чиновникам. Но архимандритову жалобу не удалось списать в архив. Один из членов управления направил ее в Сенат. В ответе, пришедшем из Сената, объявлялся «строжайший выговор» всему управлению и указывалось, что «рассуждение управления основано на одних гадательных и романтических идеях» и оно само

Фото И. Селиверстова

«есть вид сатиры», которую «законами писать воспрещено». Затем «дело о кукле» было передано в министерство юстиции и оттуда к царю. От царя оно вышло с «высочайше утвержденным положением», которое гласило: «строжайший выговор Саратовскому губернскому управлению», «Храпунову представить, по чьему рисунку сделана кукла», и в конце говорилось о запрещении и «истреблении таковых».

Сейчас эти уникальные сатирические скульптуры хранятся в фонде Государственного музея керамики «Усадьба Кусково XVIII века».

Б. ЯКИМОВ,
старший научный сотрудник
музея

ПУТЬ ЛЕЖАЛ ЧЕРЕЗ САВАННУ

Из окна вагона

И справа и слева, куда хватает глаз, к полотну дороги подступает саванна, бескрайнее, неукротимое море высоченных трав. Над их разливом то здесь, то там поднимаются в небо жесткие лохматые головы пальм, кружевные зонты горизонтальных акаций, одиноко стоящие великаны-баобабы. Лишь изредка промелькнет голый клочок красновато-бурой земли с характерными грибами термитников. Все двенадцать часов, пока поезд покрывал расстояние от Бамако, столицы республики Мали, до реки Сенегал — у ее западной границы, я неотрывно простояла у окна, за которым менялись картины природы и жизни, такой незнакомой, такой непохожей на нашу. Еще интереснее было спрыгнуть со ступенек вагона на очередной станции. К станции обычно лепятся крестьянские дворы: земляная ограда, несколько круглых островных хижин без окон. Вся жизнь семьи на виду, во дворе. Горит огонь под большим круглым тазом; женщина энергично толчет что-то в высокой деревянной ступе. Несколько голых ребятишек играют с собакой. За оградой заросли кукурузы, маниоки. Бродят куры, козы.

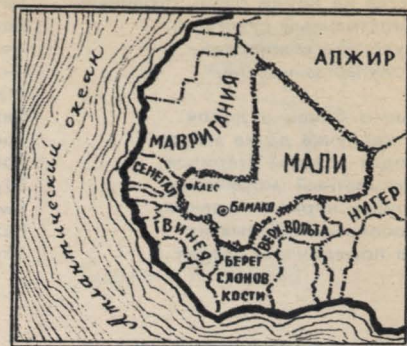
К поезду собирается шумная толпа пассажиров и торговцев съестным. Небольшое станционное строение, без привычной платформы и высокой насыпи. Рельсы прикреплены к металличе-

Малийская деревня.

ским шпалам, уложенным на земляное полотно узкой колеи (всего метр шириной). Эта единственная на огромной территории Мали железная дорога, построенная французами еще в начале века, соединяет главную водную артерию — Нигер с соседней страной и Атлантическим побережьем. Пассажирские составы курсируют два раза в неделю, и поэтому вагоны переполнены до отказа. Заняты не только все скамейки: пассажиры сидят и на полу во всех проходах. Африканцы — доброжелательные, общительные, неизменно вежливые люди. За первые же полчаса пути все перезнакомились между собой. С сердечным радушием они и нас угощают бананами, вареным арахисом, орешками коло. И мы, в свою очередь, достаем дорожные запасы.

Жарко. Особенно жарко, когда поезд стоит, а стоит он подолгу и не только у станций. Где-то водный поток, рожденный ливнями в горах, перекрывает дорогу, и машинист ждет, когда спадет вода. Пассажиры высыпают из вагонов и прячутся от беспощадных лучей в тени деревьев. Ждут терпеливо, без раздражения, с неиссякаемым добродушием. Во время одной из стоянок мы наблюдали, как работают крестьянки на арахисовом поле. Их было четверо. У одной к спине привязан ребенок. Бесконечно долго, не разгибаясь, механически равномерно взмахивали они тяжелой мотыгой, рыхля землю. За весь путь в этой сельскохозяйственной стране ни разу не видела я плуга, упряжки лошадей или волов — все вручную, каждый участок поля много раз полит людским потом.

На стоянке, в тени дерева, и завязался разговор об африканской женщине, о ее жизни и труде.

Нас трое. Работник Комитета советских женщин Лилия Кашина и я — делегация советских женщин — приехали в республику Мали по приглашению государственного секретаря социальных дел Инны Сисе. Третья — Кулибали Ниаре, активистка женского движения республики — сопровождает нас в поездке. Мы как-то сразу подружились с этой милой моложавой женщиной. Не верится, что вырастила она семерых сыновей и трех дочек, стала бабушкой. На ее полном курносом лице ни одной морщинки. Точеная шея, открытые плечи словно вырезаны из черного дерева. Маленькая, круглая хлопотунья Кулибали в своем розовом кружевном бубу¹, кокетливо повязанном тюрбане и множестве звенящих при каждом движении браслетов кажется яркой тропической птицей. Говорит она образно, пересылая речь восклицаниями, сопровождая всплесками красивых рук. Иногда ей не хватает французских слов, забывшись, она переходит на родной бамбера — язык, уже совсем нам недоступный. И тут же первая заливается звонким смехом.

Наблюдая за работой крестьянок, Кулибали и заговорила о доле африканской женщины.

— Не верьте, — говорила она, — будто африканка ленива, вечно пляшет под тамтамы и беззаботна, как птица. Это колонизаторы выдумали. В сезон дождей африканка до изнеможения работает в поле. Крестьянские семьи — это муж и три, реже четыре жены. Одна жена за всех по хозяйству, детей во дворе куча. Часто рождаются, часто и умирают. Москиты разносят желтую лихорадку. Она и детей поражает. Да и пища — просо, маниока, опять просо! Европейцы, слышала, удивляются: здесь вечное лето, а урожаи собирают один в году. Но в сухой сезон не посеешь! Дождей же не бывает восемь месяцев. Только и в сухой сезон у женщин не меньше работы. Масло ореховое, карите, знаете? Без него ни одна крестьянская да и городская семья не может прожить. Оно и в пищу и в свечильники. И мыло из него. А кто собирает орехи карите? Женщины! За много километров от дома, по жаре с таким грузом! В саванне и зверей полно и змей. Принесут орехи, их очистить надо. Добывать масло — тяжелый труд! А камедь² — гумми каким трудом достается! А сбор листьев и плодов баобаба? У нас есть такое слово, — она помедлила, подбирая французский синоним, — не знаю!.. Вроде собирательство. И хворост для домашнего очага собирают и носят женщины.

В тени дерева рядом с нами расположилась высокая, очень худая африканка. Тяжелая длинная серьга оттягивает мочку уха почти до плеча, а мелкие колечки продеты вокруг всей ушной раковины. Женщина играет с маленькой дочкой и при этом заливиисто, совсем по-детски смеется. Разговорились. Ей двадцатый год. Родила пятерых детей, двое умерли. Она знает всего несколько французских слов и повторяет их, стараясь выразить нам свое расположение. «Коман са ва?» (как поживаете?), — говорит она и через несколько минут широко улыбаясь, снова повторяет это распространенное в За-

На поле.

¹ Широкое, длинное свободное одеяние — род бурнуса.

² Камедь — ценное клейкое вещество акаций. Идет на экспорт.

падной Африке французское приветствие. Муж втрое старше, купил ее у родителей, когда ей было двенадцать лет. Третья жена. И считается уже старой, ждет, что муж приведет еще одну, как дозволяет исламом. В семье много детей. Она долго считает по пальцам, шевеля губами, потом с облегчением говорит: семнадцать. Мальчишки бегают в школу, к счастью, в селении недавно открыли школу. Она сама да и вся женская часть семьи не учились.

Через саванну по невидимой нам узкой тропке, утопая почти по плечи в траве, гуськом идут женщины. У каждой на голове калebas с поклажей.

— О! Где-то свадьба! — оживает Кулибали.

— Почему вы решили, что свадьба, мадам?

— Разве не видите? — удивляется нашей неосведомленности Кулибали. — Нарядные все. Красиво! Мужчин нет, одни идут. Калebasы³ расписаны. Красиво! В калebasах угощения, подарки. Красиво!

«Жоли» — красиво! — любимое слово нашей спутницы, она как-то особенно остро чувствует прекрасное в природе, в музыке, в одежде, в людях.

Свисток паровоза прерывает нашу беседу. В вагоне мы снова прилипаем к окну. Блестят в низинках вади, попадаются речки. У водоемов кипит жизнь. Промелькнули грациозные фигурки антилоп — их множество в малийской саванне. Горделивые белые цапли застыли на одной ноге, проплыл выводок уток и каких-то фантастических птиц с немислимо ярким оперением. Колонии ткачиков (африканцы называют их «манжмил» — поедающие просо) — одно гнездышко тесно лепится рядом с другим на длинных пальмовых ветвях, в прибрежных кустах. Птиц такое множество, что кажется, будто пальмы покрыты гирляндами оранжевых трепещущих цветов.

Чем дальше на запад, тем реже селения, беднее саванна, явственнее знойное дыхание недалеких пустынных просторов соседней Мавритании. Близ Каеса, конечной цели нашего путешествия, пейзаж совсем меняется. Высокими амфитеатрами скальных городов, причудливыми развалинами замков стоят выветренные известковые останцы.

Наши соседи указывают на что-то, еще невидимое за горами, и хором повторяют знакомое слово: «Моску», «Пти Моску».

«Маленькой Москвой» называют, оказывается, жилой поселок цементного завода — первого и самого большого промышленного предприятия республики, построенного с помощью Советского Союза. И нам очень захотелось побывать в этом поселке, повидаться с жителями «Пти Моску», крохотного представительства нашей Родины, возникшего в глубине африканского континента.

Но прежде был Каес — второй по величине и значению город страны.

Долгий вечер в Каесе

Еще недавно, в двадцатых годах нашего века, Каес был оживленным торговым центром и опорным пунктом французской колониальной администрации в глубинных районах Западной Африки.

Река Сенегал — на ее берегу стоит город — единственная дорога, по которой из внутренних районов сплавлялись к океанским портам камень, арахис, скот, закупленные у крестьян за бесценок. В дождливый период к Каесу подходили довольно большие морские суда, груженные иностранными товарами. Продавались они втридорога и приносили громадные доходы торговым фирмам.

Позднее, когда железная дорога соединила Каес с берегами Нигера, город стал перевалочным пунктом товаров и сырья. Свое торговое и административное значение Каес потерял после того, как железную дорогу проложили дальше на запад, к океанским портам. Резко сократилось число его жителей, почти неразрешимой стала проблема занятости населения.

В городе немало зданий европейского типа. Белые виллы с тенистыми садами расположились по берегу реки.

На громадной немощенной площади в центре Каеса состоялась встреча нашей делегации с женским активом города.

Жара под вечер спала. Солнце, потеряв свой нестерпимый блеск, тяжело и медленно двигалось к кромке горизонта. Приятной прохладой потянуло с большой, особенно в пору разлива, реки. На площади тысячи женщин — почти все женское население Каеса, представители местной администрации. Неумолчно гремят тамтамы, звучат балафоны, играет оркестр. Сотни нарядных женщин ритмично движутся в танце. Потом начались речи, приветствия, объятия. О нашей стране говорили как о верном, открытом друге народов, сбросивших колониальное иго.

Царило то доверие и понимание, когда блеснувшие слезой

глаза, простое прикосновение чьей-то руки к плечу, горячее рукопожатие говорят больше слов.

Встреча закончилась сразу, как только солнце коснулось горизонта и наступило время вечерней молитвы. Площадь опустела моментально.

А поздним вечером в белой вилле была долгая беседа с руководителями только что созданной здесь женской организации. До правительственного переворота в ноябре 1968 года в Мали действовала разветвленная сеть женских секций партии Суданский Союз. После смены руководства страной деятельность партии и ее женской организации была приостановлена.

Летом 1970 года под руководством государственного секретаря по социальным делам Инны Сисе стали возникать новые организации женщин, задачи которых, по словам Инны Сисе, «чисто экономические, успешное развитие экономики страны, просвещение и здоровье женщин и детей».

В Каесе только что родились четыре таких организации под общим руководством работника социальной службы местной администрации Фанты Данфакта. Акушерка по образованию, жена губернатора области, мать шестерых детей, она днем и ночью спешит на вызовы к роженицам, еще и дежурит в больнице — словом, занята сверх меры.

Подруги.

квартала лекарства от малярии и следят, чтобы их приняли все, и уж обязательно дети. Иначе не одолеть тропической малярии, особенно здесь, в долине реки, где множество москитов — бича жарких стран.

Создали класс ликвидации неграмотности для женщин. Записалось 30 человек. Главные затруднения: нет учебников на местных языках.

— Мы благодарны Советскому Союзу, — говорили активистки, — за то, что он присылает к нам своих специалистов и готовит у себя в медицинских институтах врачей для нашей республики.

Есть болезни, с которыми еще не умеют бороться. Мне говорили, что в южной части Мали есть район, где расплодился мошки, разносчики онахоциркоза — страшной болезни, приносящей людям слепоту. По дороге в Каес видели на станциях слепцов с маленькими поводырями. Население района разбежалось, хотя там богатейшие почвы.

...Давно прекратили свои крики ночные птицы, гнездящиеся в деревьях, окружавших виллу. Рождался новый день, чуть золотая парус рыбацкой пироги на реке, когда мы закончили свою беседу. За ее внешней сдержанностью были и причастность к радостям и заботам друг друга, и взаимное доброжелательство, и дружеское доверие. Оттого, наверное, было тепло на душе.

«Пти Моску»

Утром на железнодорожной дрезине в сопровождении нескольких активисток Каеса мы отправились за 60 километров в Диаму на цементный завод. Близлежащие горы густо населены павианами. Их можно было видеть на камнях возле самой дороги. Непуганые и любопытные, они, не страшась шума дрезины, провожали нас настороженным взглядом. Однажды дрезина остановилась, пропуская стадо обезьян, переходящих дорогу. Их было несколько сот — взрослых и совсем маленьких. Огромный самец, агрессивный и злобный, остановился между рельсов, повернув в сторону дрезины свирепую морду, и ждал, пока стадо не исчезло в саванне, потом одним прыжком скрылся и сам.

Цементный завод в Диаму — вполне современное, автоматизированное производство, выпускающее портланд — цемент высокого качества.

³ Калebas — таз, сделанный из половинки высушенной тыквы.

В июле завод был принят властями республики с высокой оценкой. Советские строители, возводившие завод по заказу Мали, развехались. Осталось несколько инженеров, химиков, механиков, помогающих местным работникам освоить производство.

Каждое новое предприятие всегда и всюду требует и времени, и сил, и инженерного таланта для его пуска и освоения. Это, возведенное в незнакомых условиях тропического климата, ставило особенно много разных проблем. Я понимаю гордое чувство, с которым химик Мария Георгиевна Колосова и ее муж, главный специалист Александр Харитонович Колосов, водили нас по красавцу заводу. По узким железным стремянкам поднимаемся на самый верх вращающейся печи для сварки клинкера. Жара невыносима. Недаром Каес считается одним из самых знойных мест земного шара. А тут еще пышет жаром печь. Спускаемся к мельнице, идем к огромным емкостям элеваторов. Не первый раз я на цементном заводе, но, пожалуй, нигде не видела такой чистоты.

Мария Георгиевна довольна. Немолодая (в Москве две взрослые дочери. «Давно не видела, только во сне снятся каждую ночь»), высокая, полная женщина в светлом платье и соломенной шляпе, из-под которой выбиваются коротко подстриженные седеющие волосы, привычно взбегаем по крутым железным ступеням. Только лицо ее, очень русское, с небольшими умными серыми глазами, пылает. Она хочет показать нам все. И полупуть вспоминает муки инженерных поисков, когда что-то не получалось и анализы показывали не то, чего ждали, чего добивались. Может быть, скоро в специальной печати появится статья об опыте получения цемента высокой марки в условиях тропиков из местного сырья, статья, автором которой будут инженеры Колосовы.

Чисто, опрятно на всей территории завода. Цветы, посаженные чьей-то заботливой рукой, тянут к нам желтые и красные головки, такие неожиданные на этом голом плато. Цветы, но уже в горшках, на столе в химической лаборатории. Заведует лабораторией малиец Муса Гире. Ему помогают главный химик Мария Георгиевна, два сменных инженера-химика — Галина Васильевна Сергеева и Светлана Германовна Незнамова. У них учатся две африканки — лаборантки Гумбару и Нумуту, должно быть, первые в Мали женщины, осваивающие такую специальность.

Пока отлаживали производство, химики делали бесконечные пробы, не уходили сутками. Такой темп сначала вызывал удивление у африканцев, а потом и их захватили общие тревоги и радости. Даже в часы сиесты — с 11 до 3 часов дня, когда все живое замирает и прячется в тень от невыносимой жары, закрываются учреждения, лавки, останавливают свои станки ремесленники, — кто-то из наших северянок дежурит в лаборатории. Милые наши женщины — они привезли в далекую страну вместе с советским паспортом настойчивость, преданность делу, знания и творческое горение — словом, советский характер.

Я говорю прежде всего о женщинах, хотя в коллективе советских специалистов больше мужчин. И пусть мужчины простят мне это. Право же, не для умаления их труда, а как дань восхищения женщинам писались эти строки.

Невдалеке, за сквозной оградой, жилой поселок — та самая «Пти Моску», о которой мы слышали еще в поезде.

На плоском холме, лишенном растительности, над речной поймой вырос поселок, отличный от всех других в Мали. И дело не только в благоустроенных одноэтажных домиках с кондиционерами в каждой квартире и душем, а во всей атмосфере жизни.

В поселке триста жителей — русских и африканцев — и пока только трое, всего трое малышей. Им-то особенно стараются скрасить жизнь, следуя советскому правилу: лучшее — детям. Построили песочницу, где-то достали ручную обезьянку, ласкового, проказливого сотоварища детских игр. Какой-то умелец соорудил деревянную «ракету», с вершины которой весело катиться вниз по деревянной же горке.

Здесь общая столовая, хозяйка которой, красивая белокурая Танечка, сама печет пышные хлебы и вкусные пироги, «чтоб как дома». Сообща празднуются дни рождения, и мужчины не гнушаются «женской работы», картошку почистят, посуду помоют, стол накроют. Танечка только командует. Поздней ночью, когда нездешние звезды смотрят на «Пти Моску», светятся окошки в домах поселка, и люди склоняются над книгами, учатся сами, помогают учиться африканцам, не жалея ни времени, ни сил.

Из ближних деревень приходят мужчины, женщины, дети познаться с советскими людьми. Большую аудиторию собирают киносеансы. На вечер, посвященный 100-летию Ленина, люди пришли и из дальних деревень.

Завод освободил республику от необходимости в дорогом импортном цементе — это, конечно, важно. Но его значение выходит за пределы экономики. На всю жизнь окрест ложится свет «Пти Моску». Он рождает чувство интернационального братства, твердую веру в силу и надежность солидарности социалистических стран.

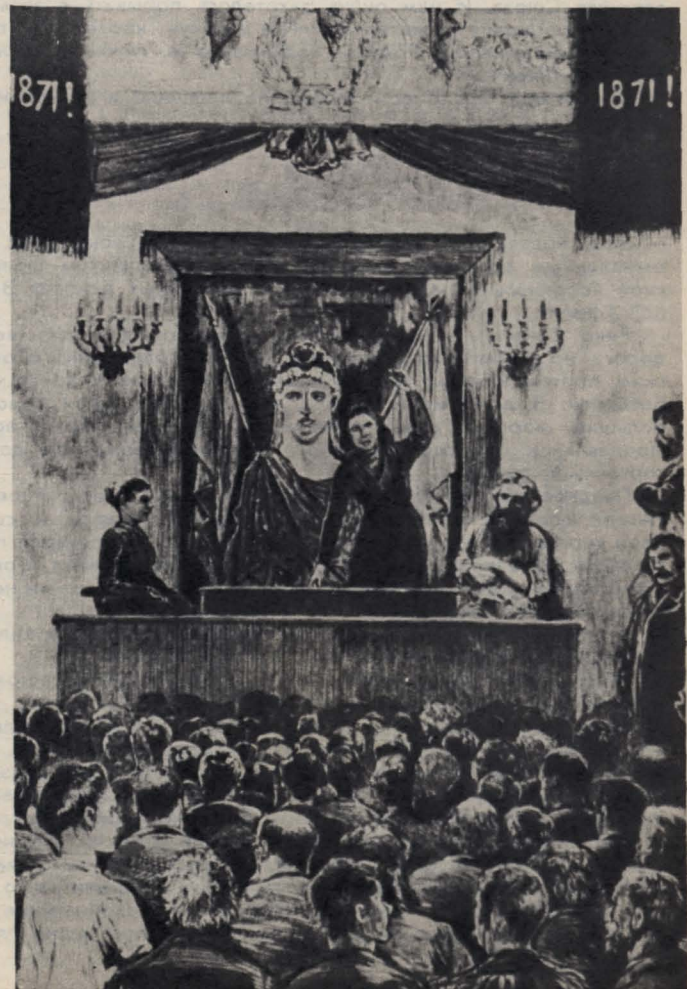
К 100-летию Парижской коммуны

«ДЕЛО КОММУНЫ — ЭТО ДЕЛО СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ДЕЛО ПОЛНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ, ЭТО ДЕЛО ВСЕСВЕТНОГО ПРОЛЕТАРИАТА. И В ЭТОМ СМЫСЛЕ ОНО БЕССМЕРТНО».

В. И. ЛЕНИН

ГРАЖДАНКИ КОММУНЫ

Митинг коммунаров в Париже.

то была первая революция, в которой победил пролетариат. Коммуна стала первой властью народа.

...Шла франко-прусская война. Прусские войска оккупировали уже более трети всей территории Франции, подступили к Парижу. Народ стихийно поднимался против захватчиков, а так называемое правительство национальной обороны все больше становилось правительством национальной измены. Оно готово было на любую сделку с неприятелем, поскольку больше всякой оккупации боялось растущей активности народных масс.

И сделка состоялась. В последних числах января 1871 года французское правительство подписало с оккупантами перемирие, а затем и мир на тяжелых и унижительных для Франции условиях.

Так ценой национального предательства французская буржуазия обрела «мир» — только надолго ли?

Еще в дни осады города рабочие Парижа создали добровольческие батальоны Национальной гвардии, на собственные средства приобрели пушки. Теперь эти пушки смотрели на город с высот Монмартра, и буржуазия была не на шутку напугана: в любую минуту угнетенные и обездоленные Парижа могли обрушить удар на своих притеснителей. Глава исполнительной власти Тьер приказал правительственным войскам снять часовых Национальной гвардии и захватить пушки. Было это 18 марта.

...В ранние утренние часы парижанки, спешившие за покупками, заметили на улицах скопление войск. Они подняли тревогу, потом преградили солдатам путь. И напрасно генерал Леконт трижды приказывал стрелять в безоружную толпу — солдаты остановились в нерешительности. Раздались возмущенные голоса женщин: «Неужели вы, дети народа, подчинитесь нашим врагам?!» В это время подоспели национальные гвардейцы. Солдаты подняли ружья прикладами вверх и присоединились к гвардии.

Париж восстал. Правительство Тьера спешно покинуло столицу. Отряды восставших заняли правительственные учреждения. Власть перешла к Коммуне.

С первого дня сердца тысяч парижских женщин принадлежала революция, которая раскрыла перед ними широкие перспективы. Коммуна впервые связала дело раскрепощения женщины с освобождением пролетариата. Речь шла прежде всего о том, чтобы обеспечить женщинам возможность трудиться, а значит, иметь собственные средства к существованию. Революционная газета «Клич народа» горячо поддержала право граждан на труд. Все общество, писала газета, должно состоять из тружеников и тружениц. Совет Коммуны незамедлительно рассмотрел вопрос об организации мастерских, где женщины могли бы получить работу на дом. Труд женщин на предприятиях Коммуны оплачивался выше, чем на частных.

Активистки Коммуны призывали всех женщин участвовать в революционных делах. Они взяли под свою опеку перестройку воспитания и образования, заменили монахинь в общественных приютах, помогли изгнать из школ священников.

Коммуна позаботилась о развитии способностей женщин. Она приступила к созданию системы народного просвещения, одинаково доступного как мальчикам, так и девочкам. «В хорошей республике, — писала одна из газет Коммуны, «Пэр Дюшен», — девочки заслуживают, пожалуй, еще большего внимания, чем мальчики, потому что, как вам известно, именно на коленях граж-

данок мы лепечем наши первые слова, получаем первые представления о мире».

Коммуна развенчала идеалы буржуазной семьи, основанной на корысти, расчете и деспотизме мужа. Новая власть ввела гражданский брак, уравнила в правах незаконнорожденных детей, назначила пенсии женам погибших национальных гвардейцев.

В дни Коммуны популярными стали лекции о правах и обязанностях супругов, о долге семьи перед обществом. Семью коммунары представляли как ячейку общества, служащую интересам республики. Основой семьи считали гармонию личных качеств супругов и заинтересованность в обоюдном развитии.

Революционное правительство наметило первые меры, чтобы облегчить положение женщины-матери. Центральная газета Коммуны «Правительственный вестник» выступала за освобождение кормящей матери от тяжелых работ, вредных для ее здоровья и для здоровья ребенка. «Если — самая первостепенная мера», — писал вестник и призывал создать детские учреждения в каждом районе Парижа, приблизить их к месту работы женщин.

Всего семьдесят два дня просуществовала Коммуна. Армия французской и иностранной реакции сжала кольцо вокруг революционного Парижа. Величайшее мужество требовалось от защитников Коммуны. «Надо уметь с достоинством проводить мужа на борьбу, а не ныть: «Останься! Что ты там не видел!» Настоящие гражданки так не поступают», — призывала газета «Пэр Дюшен».

Реакционная пропаганда приложила немало усилий, пытаясь лишить коммунаров воли к победе. По всему Парижу реакционеры расклеили воззвание: анонимная группа женщин упрекала революционное правительство в том, что оно ввергло людей в кровавый водоворот гражданской войны, лишило женщин семейного уюта.

Но коммунары разоблачили маневр врагов. Афиши были разорваны на мелкие клочки, а в газетах Коммуны напечатан ответ: «Великодушие подлых убийц! Не может быть примирения между свободой и деспотизмом, между народом и его палачами. Нет, не мира, а войны без пощады к врагам требуют работницы Парижа. Примирение равносильно измене!»

Для участия в защите Коммуны коммунары создали союз женщин. Члены союза шли обмундирование для бойцов Национальной гвардии, обслуживали походные кухни, работали санитарками. Многие с оружием в руках боролись против врагов Коммуны. Писательница-коммунарка Андре Лео призывала парижанок организоваться в отряды вооруженного действия. «Когда дочери, жены, матери будут биться бок о бок со своими сыновьями, мужьями, отцами, тогда весь Париж будет охвачен настоящей жадной свободой», — писала Лео.

«Красная дева Монмартра», учительница Луиза Мишель в первые дни Коммуны надевала форму бойца Национальной гвардии и ушла в окопы. Ее бесстрашие и энергии, казалось, не было предела.

Корреспондент английской буржуазной газеты «Таймс» отмечал, как стойко держалась в бою гражданка Эд, жена генерала Коммуны, погибшего в одной из первых битв. Под градом пуль она хладнокровно целилась в противника и меткими выстрелами пробивала бреши в рядах атакующих.

За героической борьбой Коммуны следил пролетариат всего мира. Париж стал интернациональной баррикадой. Рядом с французенками жили и боролись их иностранные подруги. Документы Коммуны донесли

до нас имя дочери России — Анны Пустовойтовой, сражавшейся до этого в Италии, в освободительной армии Джузеппе Гарибальди. В революционном движении Франции активно проявила себя Анна Васильевна Корвин-Круковская, по мужу Жаклар, сестра известного математика Софи Ковалевской. Она сотрудничала в печати Коммуны. Ее мечтой было свержение буржуазного строя и освобождение труда.

Е. Л. Томановская (Дмитриева).

Совершенно особую роль сыграла в Коммуне наша соотечественница Елизавета Томановская (в Париже ее знали под фамилией Дмитриева). Член I Интернационала, друг К. Маркса, она была представительницей Генерального Совета Интернационала при Парижской коммуне. В письме из Парижа Томановская сообщала, что во всех районах города женщины учредили комитеты, которые наладили связь с советом Коммуны. Активистки Коммуны планировали впоследствии реорганизовать эти комитеты в секции Интернационала.

Парижская коммуна явилась духовным детищем Интернационала. Ее идеи, ее опыт восприняли последующие поколения революционеров различных стран. Владимир Ильич Ленин предвидел, что героизм парижанок вдохновит женщин XX столетия. «Женщины и дети, — писал В. И. Ленин, — с 13 лет боролись во время Коммуны наряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии».

Коммуна продолжает бой, Не признает себя разбитой — эти слова поэта-коммунара Ж.-Б. Клемана сказаны будто сегодня. Они — о неумирающих идеях Коммуны, о бессмертии ее героев и героинь.

Н. ЕФРЕМОВА

Когда-нибудь позже из белого мрамора изваяют лицо проповедницы, озаренное мыслью и волей, а из черного мрамора — ее неизменное скромное платье, изваяют изображение той... которая твердо верила в будущее и не сомневалась, что оно прекрасно, и которая в революции 1905 года... увидела предвестие освобождения русского народа.

Анри БАРБЮС

ЖЕНЩИНА С КРАСНЫМ ШАРФОМ

Утром 2 апреля 1871 года Париж был разбужен пушечной пальбой: засевшие в Версале войска контрреволюции начали наступление на Коммуну.

Коммунары отважно защищались. Газета «Журналь офисьель» сообщала в те дни: «В рядах 61-го батальона сражается энергичная женщина с красным шарфом. Ее имя — Луиза Мишель».

Спустя много лет Луиза напишет в своих «Воспоминаниях»:

«Все это теперь кажется мне сном, привидевшимся в стране грез о свободе. Армия коммунаров по сравнению с версальцами была лишь горсточкой, и, чтобы продержаться так долго, несмотря на работу предателей, поистине надо было быть храбрецами, каких мало!».

...Мы на Марсовом поле. Ружья поставлены в пирамиды. Около трех часов утра мы выступаем. Я разговариваю со старым Луи Моро, который дал мне вместо разбитого ружья маленький карабин «Ремингтон».

Рассказала ему о том, как обманула свою мать, чтобы она не беспокоилась. В кармане у меня заранее приготовлены для отсылки ей письма с успокоительными известиями. Числа на них будут проставлены после. Я пишу ей, что я нужна в лазарете и что вернусь в Монмартр при первом удобном случае.

...Вот все умолкло — начался бой. Перед нами горка. Я бегу вперед с криком: «В Версаль! В Версаль!»

Моя подруга Виктория Эд совсем недурно стреляет. Многие женщины Коммуны умеют драться, как львицы.

Вот появились они на форте с красным знаменем, пробитым пулями. Они пришли организовать здесь госпиталь.

Я отправляюсь на вокзал Кламара, который каждую ночь обстреливается версальской артиллерией.

В траншеях Кламара часто ощущался недостаток в людях. Впрочем, версальцы никогда не знали, как мало нас было. Од-

нажды ночью нас в траншее около станции оказалось только двое — такого караула было достаточно лишь для того, чтобы вовремя предупредить товарищей...»

В воспоминаниях Луизы Мишель есть строки, посвященные самым последним дням Коммуны:

«В парке Нейи пули сыпались с шумом, похожим на шум деревьев в летнюю грозу. Баррикаду Пейронне, расположенную у дома, где находился Домбровский со своим штабом, версальская артиллерия в течение нескольких ночей буквально затопляла огнем. Казалось, земля дрожит и небо извергает целый океан пламени.

...Глухая пальба пушек, свист пуль, жалобный гул набата, купол дыма, прорезываемый языками пламени, — все это говорило о том, что агония Парижа не кончилась и что Коммуна не хочет сдаваться.

Ворота кладбища Пер-Лашез, где укрылись для последнего боя федераты, разбиты версальскими ядрами.

У Коммуны нет больше запасов, но она будет сражаться до последнего патрона. Горсточка храбрецов с кладбища Пер-Лашез дерется против целой армии. Бой идет среди могил, в канавах и склепах; бьются врукопашную саблями, штыками, прикладами ружей, чем попало.

У высокой белой стены, выходящей на улицу Мира, расстреляны последние, оставшиеся в живых герои. Они пали с возгласом: «Да здравствует Коммуна!».

Парижская коммуна потерпела поражение.

Шестнадцатого декабря 1871 года Луиза Мишель предстала перед судом. Она вся в черном, с глухой, черной вуалью.

— Я не хочу защищаться и не хочу, чтобы меня защищали, — обращается она к судьям. — В наши дни всякое сердце, бьющееся для свободы, имеет право лишь на кусочек свинца, и я требую своей доли. Если вы оставите меня в живых, я не перестану призывать к отпущению убийцам.

— Молчите! Я лишаю вас слова! — кричит председатель суда.

Государственный обвинитель требует для нее смертной казни. Но судьи не посмели вынести такой приговор. Луизу Мишель приговорили к ссылке в Новую Каледонию, французскую колонию в юго-западной части Тихого океана.

Расправа над коммунарами.

Тяготы ссылки не сломили мужественную республиканку. Без усталости пишет она властям, требует облегчить тяжелую участь закованных в кандалы коммунаров, отбывающих страшную каторгу на островах Новой Каледонии.

Когда пришла весть об амнистии отдельным коммунарам, в том числе и ей, Луиза пишет губернатору:

«...Прошу Вас оградить меня от оскорбительных выходок людей, которые, несмотря на мои категорические запрещения, публикуют от моего имени в газетах письма о помиловании. Моя мать и мои близкие друзья с уважением относятся к моим убеждениям. Даже мои противники никогда не осмеливались затрагивать мою честь.

Пусть же эти мнимые друзья оставят меня в покое и дадут мне спокойно ждать всеобщей амнистии...»

В 1880 году приходит амнистия для всех ссыльных. Им разрешено поселиться в столице Каледонии городе Нумея. Луиза Мишель преподает в школе, изучает песни и народные предания канаков, бережно записывает их, поражаясь богатству и красоте народных легенд.

Наконец настает желанный день возвращения на родину. Весь берег заполнен местными жителями. Им жаль отпустить Луизу, к которой они привязались как к родной.

На прощание Луиза разрывает на кусочки свой красный шарф, чудом уцелевший со времен Коммуны, и раздает их на память.

Луиза по-прежнему верна идеалам революции, она участвует в рабочем движении Франции, Бельгии, Голландии. Вскоре ее бросают в тюрьму за «подстрекательство к бунту». Но стоит ей выйти на свободу, — она вновь в гуще рабочих. На одном из собраний к ней подсылают наемного убийцу. К счастью, пуля лишь слегка задела Луизу.

Сохранились воспоминания Бартеновой, одной из русских участниц Парижской коммуны. Незадолго до смерти Луизы Мишель Бартенова посетила ее вместе с одной американской журналисткой.

«...На наш стук в дверь нам ответил благозвучный молодой голос. Когда мы вошли, то увидели, что за столом сидит женщина с сильной проседью в волосах и прекрасными карими глазами.. Она была одета в старенькое ситцевое платье и поношенную жакетку.

— О чем вы хотели спросить меня? Спрашивайте! — дружелюбно и просто обратилась Луиза Мишель к журналистке.

— Чего, собственно, вы хотели тогда... в 1871 году?

Глаза Луизы засияли. Она сказала:

— Разве вы думаете, что человеку свойственно довольствоваться личной жизнью? Нет... Человек смотрит на себя, как на частицу общества, как на атом вселенной. Это так естественно...»

Луиза Мишель умерла в 1905 году. Она оставила много стихов, повестей, исследованных фольклора, большой исторический труд «Коммуна», а также «Воспоминания» в двух томах. В последние годы своей жизни она очень интересовалась революционным движением в России.

— Вот увидите, — говорила Луиза, — в стране Горького и Кропоткина произойдут грандиозные события. Я уже чувствую их приближение... чувствую, как растет эта русская революция, которая сметет царя, всех его великих князей, бюрократию и перевернет вверх дном весь этот огромный «Мертвый Дом».

Р. КРАСИЛЬЩИКОВА

Луиза Мишель в форме национального гвардейца.

МОЛОК. Коммуна Лиона протягивает руку Парижской Коммуне.

(Плакат 1871 г.)

Женщина-коммунарка командует отрядом Национальной гвардии на улице Таранн.

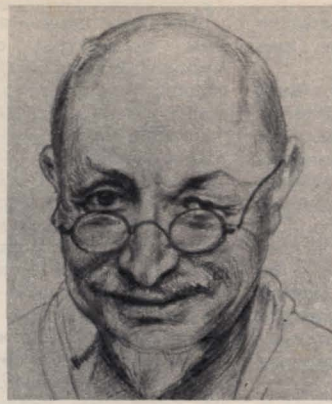

Гравюры из французских иллюстрированных журналов 70-х годов прошлого века. (Из фондов Музея К. Маркса и Ф. Энгельса.)

Н. КАСАТКИН. ШАХТЕРКА.

«У ТЕБЯ — МЫ НАСТОЯЩИЕ»

Н. А. Касаткин. Автопортрет.

Природы не было. Траву, цветы, кустарник задушили груды выработанных пород.

Бедняки нопались в них, отыскивая кусочки угля.

Два раза в сутки появлялись шахтеры. Они шли угрюмые, чернолицые, чернорукие, и их пропитанная углем одежда поблескивала графитом.

И тогда приходил человек с чемоданчиком.

— Тикай, вот он! — кричали друг другу мальчишки.

Размыкались губы, казавшиеся белыми на черном лице, и шахтер сурово предупреждал:

— Ты здесь не ходи!

— Почему, разве я делаю что дурное? — беспомощно говорил человек с чемоданчиком.

— Не желаем!.. — не вдаваясь в объяснения, выдыхали белые губы.

Черная армия шахтеров проходила мимо, а московский живописец Николай Алексеевич Касаткин оставался стоять на дороге. Чемоданчик-этюдирик бесполезно оттягивал его руку...

Шел 1892 год. Освободительное движение в России вступило в свой новый этап — пролетарский. Чуткий художник, Касаткин угадал героя эпохи.

С самыми добрыми чувствами, с сердцем, переполненным состраданием и восхищением, приехал он к своему герою в Донецкий бассейн и встретил ненависть. «Надо признаться, переносить такую всеобщую ненависть куда как тяжело и не дай бог никому...» — писал художник.

Почему его ненавидели? Кто-то пустил слух, что приезжий — шпик, присланный из Петербурга.

«Испытывая к себе только враждебное или унижительное отношение других классов», — писал Касаткин, — и в художнике углекопы видели человека, который также хочет посмеяться над их лохмотьями, над грязными лицами».

Но с «грязных лиц» смотрела на художника, по выражению Маркса, «красота человечества». И художник упорно писал эту красоту. Девять лет подряд приезжал он в Донбасс. Выставлял на передвижных выставках «черные» картины и «черные» этюды шахтеров. В конце концов художник «пришел к мысли, что надо взять такую форму жизни, где бы самый цвет, самые краски тоже выражали бы протест, тоже уклонялись бы от общепринятых традиций, как и сама тема». И краски его выражали протест. Художник писал малолетних рабочих, «дверных мальчишек», которые перед спуском в шахту «спят в углу, в куче, как изношенная обувь». Художник изображал шахту, чудовищные условия труда шахтеров. «Там, где не может работать животное, его заменяет человек», — говорил он. Газеты писали о зачерненных углем

фигурках на картинах Касаткина, которые «остаются в памяти и как бы идут дальше вместе со зрителем».

Признали Касаткина и шахтеры. Застенчиво, но твердо приходили они к художнику и просили писать с них портреты.

— Идите к фотографу! — отсылал их занятый своими очередными творческими планами живописец.

— Нет, Николай Алексеевич, — рассудительно говорили шахтеры, — это не то, не как есть, а у тебя — мы настоящие!..

Настоящие рабочие — шахтеры, торфяники, ткачихи, металлурги — вошли в русскую живопись с картинами Касаткина. Из обличительного реализма русских передвижников вместе с новым героем выросла новая ветвь русского искусства — «героический реализм» (так характеризовал творчество Касаткина А. В. Луначарский).

Живописец Касаткин, увидевший в зачерненных угольной пылью лицах шахтеров всю «красоту человечества», еще в конце XIX века отлично почувствовал взрывную силу, накопившуюся в душах рабочих. «Горняк», — писал он, — несмотря на всю свою отупелость, представлял буйный элемент, как человек, жизнь которого во время работы всегда находилась в опасности. Его высокая раздражительность и нервозность составляли также его силу, насыщали его энергией, ждали только искры, чтобы обрушить эту энергию на своего исконного врага».

И когда загорелось пламя революции 1905 года, не было в России художника, более подготовленного для его отражения в живописи, чем Касаткин.

В 1893 году на Передвижной выставке появилась его картина «Тяжело» («Буревестник»). Вот как спустя почти сорок лет сам художник объяснял эту свою работу: «Картина изображает рабочего, сильно пострадавшего на заводе... Он пришел к любимой девушке-портнихе — и, не смея войти в дом, дожидается ее у ворот. Она вышла к нему, полная сочувствия и любви. Но сказать ничего не умеет. Она раба своего бесправного времени. Его мысли ушли туда, в подполье, где идет революционная работа за его и его освобождение».

Через год Касаткин создал в картине «Шахтерка» образ русской работницы — смелой, задорной, умеющей постоять за себя и защитить свое человеческое достоинство. В 1899 году он написал потрясающий холст «Арестантки на свидании», где словно все трудящиеся женщины России оказались посаженными за решетку. Теперь, в 1905 году, художник создал «Атану завода работницами» — трагическую и сильную картину взрыва народного гнева.

лежит отблеск огня и знамен победившей пролетарской революции. Художники создавали их после того, как затих грохот событий, когда было время успокоиться и осознать величие свершенного.

А «Рабочий-боевик» написан в самом пламени революционного пожара. В 1905 году Касаткин был в гуще событий. Старался увидеть и понять как можно больше. Красная Пресня стояла в восстанавливаемом городе, как крепость. Возможно, именно здесь, в промежутках между баррикадными боями, и разглядел художник этого рабочего.

Первая русская революция была побеждена. Но уже выросли отважные, самоотверженные, отлично разбирающиеся в событиях страны люди — те, которые к 1917 году пришли закаленными и зрелыми бойцами... И с гениальным прозрением, словно предвидя будущее, художник такого «боевика» и изобразил.

До революции «искусство, посвященное трудящимся, было так же угнетено и подавлено, как и они сами», — писал Касаткин. Серию его картин о революции 1905 года русский зритель увидел только после Октябрья 1917 года.

Высокая историческая справедливость была в том, что именно этот художник, которому рабочие еще в XIX веке говорили: «У тебя — мы настоящие», — в 1923 году первый в Стране Советов получил почетное звание народного художника республики.

«Товарищ рабочий, трудящийся! — писал Касаткин. — Ты дал мне все. Связав свой свободный труд с твоим героическим трудом, я получил силу от тебя, и все, что я получаю, есть твое!»

Ариадна ЖУКОВА

Толпа женщин осаждает завод, первый залп по толпе заставляет их отхлынуть от побитых, но уже сильные руки поднимают камни, гнев и потрясение написаны на лицах, и яростно машет красной козыночкой, как знаменем, работница-горбуня. Ее изуродованная недугом фигура — как символ изувеченной капитализмом жизни трудового человека.

Но, может быть, самое удивительное отражение революции 1905 года получила в небольшом этюде «Рабочий-боевик».

Советский зритель видел много изображений революционных рабочих и матросов, таких же собранных, подтянутых, готовых и немедленному действию, полных той победоносной силы, которую Ленин великолепно назвал «праздничной энергией масс». На этих образах словно

Н. А. Касаткин. Тяжело (Буревестник).

История эта случилась прошлым летом в поселке Тетюхе, Приморского края.

Мальчик семи лет Игорь Вахнов увязался за отцом в тайгу по ягоды. День был долгий, мальчик утомился раньше взрослых и побрел к поляне, где стояла палатка. Отец спохватился, стал искать, но Игоря в палатке не оказалось.

Пятьсот человек искали мальчика в тайге. Вызвали вертолет. Прошли сутки, вторые, третьи, четвертые... На двенадцатый день к лагерю геологов, расположившемуся далеко в тайге, вышел мальчик в изодранном спортивном костюме, весь исцарапанный, худой, искусанный комарами.

Семилетний таежник не пропал один в лесу. Поняв, что заблудился, Игорь не стал метаться в поисках пути, а спустился к реке и пошел вверх по течению. Он знал, какие ягоды можно есть, а какие ядовиты. И шел все время вдоль реки. Мерз, голодал, мок под проливным дождем. Одолевали комары и клещи. И не было у него с собой ни спичек, ни оружия. Не каждый взрослый вынесет такое, а семилетний мальчик вынес, не пропал.

Его спросили:

— Еще будешь ходить в тайгу?

Игорь ответил:

— Пойду. Но мне нужен компас.

Мальчик, выросший в близости к природе, сумел победить одиночество, сумел одолеть страх. Ему, конечно, было жутко бродить одному в лесу, но в то же время и лес, и река, и все, что ему встречалось, не было чужим.

Французский исследователь Алан Бомбар писал, что жертвы морских кораблекрушений гибнут не от голода, не от холода, а от собственного отчаяния. Отважный француз совершил свое одинокое путешествие через океан, чтобы доказать не только неисчерпаемость возможностей человека в борьбе за жизнь, но и саму близость человека к той среде, которая его создала.

Природа не яркая картина за окном нашего дома. Она, как зеркало, глядясь в которое мы лучше узнаем самих себя. Писатель Виктор Астафьев утверждает: «Тот, кто живет в обнимку с природой, добрее душой и лучше». Есть у Астафьева рассказ «Деревья растут для всех» — о маленькой лиственнице, «с цыпленка величиной», которую мальчик сажает за сараем и о которой сначала говорит: «Мое дерево». А в ответ слышит от бабушки: «Только не называй ее своею. Деревья, батюшка, растут для всех... И для птичек, и для людей, и для солнышка, и для речки».

У деревенских ребят естественно соединяется раннее знание природы с возможностью принять непосредственное участие в разных событиях жизни природы. В другом рассказе Виктора Астафьева, «Гуси в полынье», деревенские мальчишки с риском для жизни выручают гусыню с гусятами, замерзающих в полынье.

А у Федора Абрамова в его «Рассказах Олены Даниловны» городской мальчуган, дачник Вовка, бабушкиными заботами живет в окружении птиц и разного мелкого лесного зверья. На дачном участке повсюду расставлены банки и черепушки с питьем и едой для птиц, для ежа, для бурундука. И осиротевших бельчат бабка с внуком вырастили с превеликими трудностями: «Попереживали мы с Владимиром. Матери нету — с голоду помрут. Мы уж и грибов-то сушеных на елушку навешали и баночку-то с молоком под ель ставили...»

Тема природы — одна из вечных великих тем литературы, одинаково близкая и взрослым и детям. В ней звучит единство малого и большого, потому что большая наша страна и большая наша планета начинаются у порога каждого дома, откуда выходит маленький человек. У нынешних маленьких горожан стало больше возможностей общаться с природой. Нынче редко кто из них остается на лето в каменном городе: один с родителями, другой с бабушкой, третий с детским садом — но уж непременно почти все едут за город, топают по полям, по лесам, плещутся в речках и ручьях, своими глазами видят и синее море и снежные вершины гор. Но у многих ребятшек «глаза есть, а посмотри — не могу», как говорил герой книг путешественника В. Арсеньева Дерсу Узала. Иными словами, и видят они природу и в то же время ничего в ней не видят. И не каждый старший, к сожалению, дает своему ребенку настоящие уроки понимания природы.

О чем мы, взрослые, говорим между собой, идя по лесу или стоя на берегу реки?

— Красиво. До чего же воздух чистый! Только сыровато, наверное, к вечеру комары налетят.

Это между собой. А вот к ребенку:

— Не лезь в кусты, а то змея укусит. Не трогай гриб, он поганый.

Малыш спрашивает:

— Это что за птица?

Если ему попалась на глаза не сорока и не дятел, то, считай, мама с папой совсем пропали.

Я не знаю, все ли ощущают такой свой недостаток, как неумение слышать и понимать язык природы. Но, наверное, многие все-таки мучаются от этого и даже подчас больше, чем от непонимания музыки или живописи.

Если мы чего-то не знаем и не умеем сами, то тем сильнее должно быть наше стремление, чтобы дети не прожили всю жизнь с тем же недостатком, а всему вовремя научились. И мы вместе с ними, прежде всего с помощью книг.

Литература сказочно богата книгами, созданными во славу природы. И вот что трогает человека почти в каждой из этих книг. Читаешь, например, «Третью охоту» Владимира Солоухина, книгу, полную высокой поэзии, а в ней находишь уйму знаний, практически полезных. Берешь потом Игоря Акимушкина «Следы невиданных зверей», научно-популярную книгу о зоологии, и ощущаешь, что, кроме научных знаний, она дает тебе чистую поэтическую радость, восхищение красотой жизни. Ребята с особой тонкостью чувствуют, что за простыми рассказами о лесных зверях или пичугах кроется что-то огромное, манящее к себе — само вечное движение жизни.

А с каким удивительным читательским талантом умеют они понять и сказочного медведя, у которого есть дом, кровать, даже миска с ложкой, и медведя в западдашнего, лесного из книг Николая Сладкова, Георгия Скребицкого или Джеймса Кервуда! И как естественно развивается, поднимается детское чтение от «Лесной газеты» Виталия Бианки к мудрым и поэтичным повествованиям Михаила Пришвина.

И вот что интересно. При чтении книг о природе ребенок то переживает острее интереса к какой-нибудь одной теме, например, ищет «все про муравьев», то ощущает бесконечность, необъятность природы и от книг о животных нашей средней полосы идет к изучению многообразия всего животного мира, берет книги о расте-

Круг семейного чтения

«Дорога в Читай-город» — так называется книга И. Стрелковой о детском чтении. Она адресована родителям и выйдет в этом году в Издательстве политической литературы.

«Выбирать книгу для своего и для чужого чтения — не только наука, но и искусство», — писал замечательный русский книголюб Николай Александрович Рубанин. «Дорога в Читай-город» будет интересна и тем родителям, которые уже составили свою личную систему руководства детским чтением, и тем, кто склонен умалить свои возможности и умалять, кстати, зря. Каждый, кто внимательно относится к своим детям, кто стремится видеть их достоинства и недостатки, может быть умелым советчиком для своих ребят в выборе книг и умелым собирателем детской домашней библиотечки.

Надеемся, что в этом убедят читатель «Работницы» те главы из книги «Дорога в Читай-город», которые будут опубликованы в журнале. Сегодня мы печатаем одну из них с небольшими сокращениями.

В ОБНИМКУ С ПРИРОДОЙ

И. СТРЕЛКОВА

ниях, о таинственных жителях океанских глубин, о формах жизни на далеких планетах. А потом вдруг открывает для себя совершенно неизведанный мир, заполнив в руки тонкую книжку Питера Кроукофта «Все о мышах», в которой и в самом деле рассказывается только о мышах, о самых обыкновенных домашних серых мышках, но рассказывается так увлекательно и ново, как о жителях дальней, незнакомого планеты.

Чрезвычайно плодотворны такие переходы в детском чтении. Кому-то из великих ученых принадлежит очень точная фраза: ученый должен знать все о немногом и немного обо всем. Доступные детям книги о природе построены примерно по такому же принципу. Их задрлый читатель не обязательно станет биологом, охотоведом или лесником, но он, несомненно, приобретет

«Не бойся!» Фотоэтиюд нашего читателя Ю. ПРИВЕДЕНЦЕВА (г. Волгоград).

склонность к научному мышлению, к сочетанию обширности общих знаний с глубокой проникновением в особо заинтересовавшую его область науки, техники, рабочего мастерства.

Пожалуй, богаче всего сейчас детская научно-художественная литература о насекомых. Когда-то эту «серию» открыл для широкого читателя француз Жан Анри Фабр. Уже много лет издаются у нас книги о муравьях, пчелах, термитах Иосифа Халифмана, Льва Стекольниковца. Переведен у нас для ребят французский энтомолог Эжен Ле Мульт.

Ребята любят книги о насекомых не только потому, что они интересно написаны, но, наверное, еще в большей степени потому, что можно немедленно от чтения перейти к собственным исследованиям. В книге

Льва Стекольниковца «Необыкновенный махаон» эта детская реакция взята в расчет — в конце даны советы собирателю. В истинном собирательстве никогда не бывает той жестокости, какая встречается у детей, обрывающих крылышки у мух или гонящихся за бабочками с саблей-хворостинкой. Прежде всего собиратель не станет хлопотать сачком без смысла. Он ищет, он наблюдает. Он начинает уважать неутомимость легкого создания, вовсе не порхающего беззаботно с цветка на цветок, а занятого неустанным трудом. Коллекция бабочек разбудит интерес к собиранию гербария, а тут уж открыта дорога к наблюдению за птицами, что гнездятся в садах и лесах, к сооружению дуплянок и скворечников, к голубиной охоте — самой мирной из охот.

Всего дороже нам в детских книжках о природе их умение побуждать ребят к добрым делам. Вслед за книгами о зверях, рыбах и птицах появится за окном кормушка для зимующих птиц, а в дом придет аквариум, поселятся ежи, хомяки и черепахи, появятся клетки с птицами... Радостным будет тот весенний день, когда, по старому русскому обычаю, полагается выпускать на волю зимовавшую в доме пернатую мелочь. Можно будет в воскресный первый теплый день взять клетку, пойти с ней в ближний парк или подальше за город и там открыть дверцу и ждать, когда несмышленная птица догадается, что путь свободен. А она медлит, а ты торопишь ее, легонько постукивая по прутьям клетки. Но вот она выглянула в открытую дверцу, смешно повертела головой и вдруг кинулась вверх с такой радостью, с таким счастьем... И потом ты возвращаешься домой с пустой клеткой, а люди спрашивают тебя, отчего она пустая, и по-доброму улыбаются, услышав твой ответ. Но еще понятней и ближе тебе те, которые ни о чем не спрашивают, только дружески смотрят на тебя, обо всем догадываясь, потому что знают, какая это радость — подарить живому существу заново весь земной и небесный простор.

От деятельной любви к родной природе берет свое начало и наша любовь к Родине. И опять-таки разной подрастает и эта любовь. Вот как пишет об этом писатель Леонид Леонов:

«...Наверное, все замечали, что чувство родины в каждом гражданине соразмерно его личному творческому вкладу в общенародное дело: отсюда легко объясняются как патриотизм истинного гения и труженика, так и политическое безразличие бродяги и дармоеда. Пусть же юные граждане с малых лет привыкают вносить свою посильную долю в большую рабочую семью, пусть понемножку пробуют себя на чудесном поле настоящей государственной деятельности, — воспитательные последствия этого неисчислимы...»

Юные друзья, думы о зелени — думы о будущем. Вам бесконечно долго жить в этой прекрасной стране. Она богата и обширна, но не всегда она была такой. Все, чему радуется ваш глаз, есть громадная копилка предков. Преемственность — основа прогресса...

Есть поговорка на Востоке, которая годится и в заповеди: каждый обязан в жизни вырастить дерево, выстроить дом, воспитать человека. Начало этой мудрой программы человеческой деятельности доступно вам уже теперь... И пусть первое деревце в школьном дворе будет посажено в честь Ленина как знак признательности за его проникновенную заботу о вашем детском благе...

Может быть, по прошествии вереницы лет, ставши знаменитыми врачами, зодчими или — кто знает — астронавигаторами межпланетных глубин, вы зайдете вечером да мимоходом на тесный дворик посидеть под тяжелой зеленой кровлей своих любимцев. Другие, еще более счастливые дети будут играть и шуметь под сенью этих растительных великанов, и в перспективе времен вам откроется весь гигантский разбег родной страны в ее грядущее».

— След! След ноги! — в ужасе вскричала однажды утром Мария Петровна Хонич. — Скорее милицию! Я знаю, чей это след. Не морочьте мне голову снежным человеком. Это соседского Кольки или Мишки Сесюкина нога на моей молодой картошке. Давайте сюда милицию, пусть по всей строгости судят хулиганов.

— А вы знаете, соседка, — в голосе бабы Нюры Зайцевой намек и последнее серьезное предупреждение, — ваш сын ловил бабочку возле моего дома. Как что? Он же мог наступить на грядку лука!

— Ишь, вчера было 154 черешни, а сегодня 152, и веточка сломана. Отнесем-ка мы ее куда следует как вещест-

исхождения частной собственности...». Да, неизвестно, преобразилась бывшая улица Энгельса.

Что являла она собой прежде?

— Раньше-то, — делится с нами воспоминаниями сотрудница аэропорта Татьяна Яковлевна Мигунова, — раньше-то вся улица была покрыта гусиной травкой, плотной да мягкой. Для детворы раздолье. Тут там и казаки-разбойники, и прятки, и салки. У ворот лавочки стояли. Я в выходной брошу, бывало, на травку одеяло и загораю с ребятами. Загораю, а справа, и слева, и напротив лопаты сверкают. Соседи намекают: «Ты что же, лодыряка, сама не содишь и людям не даешь?» Словом, вскопали и мы... Это уж потом я спох-

исках лучшей точки для фотосъемки вошел в какой-то двор, упустив из виду, что вторгся на частную территорию. Тут же выскочил побагровевший, потом посиневший хозяин. От возмущения у него вылезли на лоб глаза. «Бу-бу-бу», — только и мог сказать он. Наивный фотограф похлопал его по плечу: «Папаша, я сейчас». Вовремя подоспевший гид предотвратил скандал и увел нас от греха подальше.

А кто остановит в Минеральных Водах лихих огородников? Ведь все, о чем было сказано выше, происходит не в чужом монастыре, куда со своим уставом, как известно, не ходят, а на улицах нашего города, среди белого дня. Без конца заявляя то о сломанной веточке, то о пропаже куста картошки, огородники скромно забывают, что сами-то унесли в мешке целую улицу!

Еще позпрошлой весной исполком горсовета сделал попытку остановить картофельную эпидемию. Остались даже следы этих усилий — протоколы заседаний административной комиссии от 30 мая, 6 и 20 июня 1969 года. Наиболее ретивых огородников наказали. Казанцев Максим Елисеич был предупрежден, Сакун Мария Яковлевна — предупреждена, Кузьмина Александра Прохоровна — оштрафована на 3 рубля, Акименко Илья Трофимович — 10 рублей штрафа, Харачиди Павел Михайлович — 10 рублей, Твердохлебова Вера Харитоновна — 10 рублей... Но что это? Протираю очки — и вглядываюсь в пометки, сделанные рядом с суммой штрафа: деньги возвращены. Штраф снят. В чем дело? Ах, оказывается, в исполкоме забыли, что прежде надо вынести решение, которое напомнило бы отдельным гражданам о незаконности их посягательств на государственную землю. И до сих пор исполком не знает, под какую статью «подвести» злополучную картошку. Вроде «не подходит» она ни под санитарное состояние, ни под благоустройство, ни под общественный порядок. Разве что под пожарную безопасность подойдет — вдруг пожар, а к домам-то и не подъехать... Вот на всякий пожарный случай и вызывает исполком к сознательности граждан города Минеральных Воды. А призыв остается без ответа.

— Хе-хе, Зинаида Владимировна, — встречает какой-нибудь огородник учительницу, прожившую на своей улице всю жизнь, — что это вы с базара несете? Картошечку, хе-хе... Не хотели, значит, вместе со всем обществом? Да еще, говорят, на городском совещании выступали: украли, дескать, улицу у детей, не вырастут они, мол, теперь смелыми, ловкими да сильными. Нехорошо. Обидели вы нас. Ну, несите, несите, бог в помощь.

Оставшись без компаса руководящих указаний, и милиция, и квартальные комитеты, и товарищеские суды, и женские советы не знают, в какую сторону податься. С одной стороны, и по радио и в газете пишут, просят, уговаривают не сажать на улицах картошку. А с другой стороны, штраф-то вернули.

И в самом деле, как же быть? В порядке обсуждения предлагаю исполкому Совета города Минеральные Воды простой и удобный выход: переименовать вышеупомянутые улицы в Картофельную, Редисочную, Луковую, Салатную и т. п. О результатах рассмотрения прошу известить.

С. ЛАПТЕВА

УКРАЛИ УЛИЦУ

ФЕДЕТОМ

венное доказательство. Пусть потянут всех, у кого дети есть, в милицию. Тут, видно, надо держать ружье..., то есть уху остро, в порядке, конечно, самообороны, — доносится с другой стороны улицы.

В таких острых переживаниях проходят весна, лето и осень у многих жителей города Минеральные Воды, тех, что первыми подхватили прекрасный лозунг «Превратим свой город в сад» и тут же, поплевав на ладони, взялись за лопаты.

А если им и пришлось чуть-чуть половчее, поудобнее переставить слова в лозунге: «Превратим город в свой сад», — так ведь для большего энтузиазма и вдохновения. К тому же не сразу и поймешь, где собака зарыта, до того тонкая игра слов. Вскоре добровольцев, желающих освоить уличную целину, появились десятки и сотни. Движение приняло общегородской характер, а лозунг звучит уж совсем заманчиво: «Превратим город в свой огород».

Сказано — сделано. С наступлением весны во всю длину и ширину улиц весело кудрявятся всходы картофеля, петрушки, редиски, торчат луковые перья, а по краям, крепко поджимая проезжую часть дороги с одной стороны и тротуар — с другой, растут мощные корнеплоды. Для отвода злого глаза в пейзаж изредка вписаны ярко-оранжевые ноготки. Под картошкой и овощами целиком или частично скрылись улицы имени Калинина, Володарского, Энгельса, Чернышевского, Чапаева, Карла Либкнехта, Коллонтаевская, Терешковой, Гражданская, Октябрьская, Интернациональная...

Читатель может подумать, что мινводцам не отводят специальных участков под огороды... Отводить-то отводят, но почему бы не расширить огород, превратив кусок улицы в наваристый доверок к приусадебному участку...

Где огород, там и ограда — из проволоки, палок, у хозяев повеселее — из колючего кустарника. Прижимаясь к заборам, за которыми твоят собаки, я иду по огороду, то бишь улице, имени — какое совпадение! — автора «Про-

вратилась, когда дети с играми распрошались, ступить ведь стало от картошки некуда. Так на привязи и сын и дочь выросли.

Видели вы, чтоб катались на лыжах вокруг одного столба или играли в хоккей на укатанной дороге? Вдруг шофер не сможет затормозить?! А в Минеральных Водах дети так играют.

Завладев улицами, огородники занялись внедрением и картофельной педагогики с ее потрясающим главным тезисом: дети чьи-то, а картошка наша.

Едва дети с последней надеждой, как зайцы в половеде, устремляются на жалкие островки, оставшиеся неперелопаченными, как брань и ругань несется со всех сторон: «Ату их, ату!»

— А, чтоб тебя разорвало вместе с велосипедом, заехал-таки колесом на грядку (в других вариантах — попал мячом в огород)! — звучит вслед юному спортсмену веселенькое пожелание из ворот дома Федора Спивака.

Здесь, возле этого дома, я невольно вспомнила, как во время заграничной поездки один из наших туристов в по-

С. Лаптева

ПЕРСОЛЪ

СПРАШИВАЙ-
ОТВЕЧАЕМ

Трудно сказать, как это произошло. Машинистка ли ошиблась, или сами авторы характеристики нечаянно написали не то слово. В результате появился следующий любопытный документ.

«ХАРАКТЕРИСТИКА

на бывшего директора магазина № 26/31 Томского горпромторга товарищ Топчиенко Майну Николаевну.

За период работы в магазине тов. Топчиенко М. Н. постоянно занималась повышением своих знаний. Под ее руководством коллектив магазина № 26/31 ежемесячно имел хорошие производственные показатели. Любит свою профессию, трудолюбива, честна, всегда была БЕСПРИНЦИПНА к расхитителям материальных ценностей. Передавала свой опыт молодым продавцам. Правильно настраивала и воспитывала коллектив...

Директор горпромторга
Н. СЕМЕНОВ
Председатель объединенного комитета Ю. ГРИШАЕВА»

Чему же верить в этой удивительной характеристике? Мы предлагаем верить опечатке, простите, опечатке. Следственные органы обнаружили в магазине крупную недостачу. Расхитители и «честный, беспринципный» директор привлечены к ответственности.

ОБИДЕЛАСЬ...

Работница одного московского завода А. Земнухова объявила, что выходит замуж.

— О, поздравляем! — тепло сказали ей сослуживцы.

— Спасибо, — кивнула невеста, — а что вы мне...

— Что мы пожелаем? Конечно, семейного счастья.

— И это все?

— Это самое главное. Все остальное приложится.

— Что ж, ладно. Я этого не забуду, — неопределенным тоном сказала невеста.

А после свадьбы А. Земнухова пришла в комитет комсомола и положила на стол заявление.

Прочитали товарищи по работе и руками развели от изумления.

Было чему изумляться.

«На первичную ком. организацию от комсомолки Земнуховой А.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу освободить меня от комсомольских взносов, так как мне не оказали помощь на свадьбу».

Что ж, просьба вполне законная. Поддерживаем ее, считая, что А. Земнуховой нечего делать в комсомоле.

«АКТ

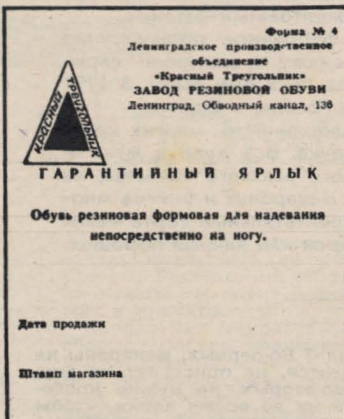
о семейном положении Александр Алексеевич Никаноров работает на лесозаготовительном участке рабочим. Имеет на иждивении 5 душ детей, а кроме жены, из хозяйства имеет только свой дом».

Копию сняла М. Непомнящая, ст. Решоты, Красноярского края.

ДЛЯ ВАС, РАССЕЯННЫЕ!

Как известно, один рассеянный в рукава просунул руки, оказалось, это брюки. Попадают рассеянные и среди тех, кто покупает спортивные тапочки Ленинградского завода резиновой обуви. Заботясь о таких покупателях, обувщики прикладывают к каждой паре тапочек вот такой квиток.

Ничего не скажешь, толково написано. Теперь можно гарантировать, что ни один рассеянный, прочитав эту инструкцию, не наденет тапочки непосредственно на нос. Или на валенки.

ПЕРСОЛИНКИ

ОНА — САМА ПОЭЗИЯ. ЕГО СЧИТАЕТ ПРОЗОЙ. ИХ ЖИЗНЬ — ДРАМА. И ВСЕ ЭТО, УВЫ, НЕ БАСНЯ.

ОН НАСТОЛЬКО ВОСПИТАННЫЙ ЧЕЛОВЕК, ЧТО ГРУБИТ ТОЛЬКО СВОЕЙ ЖЕНЕ.

О ВУРНОЙ МОЛОДОСТИ ЕМУ НАПОМИНАЛИ ТОЛЬКО ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЛИСТЫ.

ЕСТЬ МОДНИЦЫ, КОТОРЫМ ЛУЧШЕ ВСЕГО ПОДОШЛА ВЫ ШАПКА-НЕВИДИМКА.

Уважаемая «Работница», прошу ответить на мой вопрос.

Мой муж два дня находился на больничном листе. В это время он попал в вытрезвитель, и в цехе ему не платят по больничному листу. Разве это правильно, ведь его оштрафовали и в милиции?

Н. П. МАСЛОВА
г. Новочеркасск.

Уж если ваш муж пил, не щади собственного здоровья, очевидно, что он нуждается в целом комплексе оздоровительных мероприятий. Назовем хотя бы некоторые.

1. Лишение оплаты по больничному листу, согласно трудовому законодательству, — пилюля горькая, но полезная.

2. Обсуждение поведения ва-

шего мужа товарищами по работе.

3. Отрезвляющее влияние ж-

И т. д. Лично вам настоятельно рекомендуем воспользоваться третьим из предлагаемых рецептов. Очень помогает.

В цехе металлоконструкций могилевского завода «Строммашина» северно работала вентиляция. И, хотя вопрос о ее улучшении вентилировался весьма бурно, в цехе не становилось чище.

После оперосоливания этой истории (см. «Работницу» № 8 за 1970 г.) директор института «Гипростройдор-маш» тов. Мищенко призвал критику правильной и сообщил, что на завод еще раз выезжали работники института. Они снова изучили состояние вентиляции в цехе и подготовили проект ее реконструкции. Надеемся, что теперь проектировщики поработали на совесть и этот вопрос нам больше не придется вентилировать.

Факты, сообщенные читателями, «персолили»: О. Корнев, Н. Монахов.

Авторы «Персолинок» — Л. Афанасенко, А. Лигов, Э. Верлоцкий, В. Коняхин.

ЛЮБЛЮ Я МАКАРОНЫ...

Кто их не любит! И вкусны, и полезны, и приготовить нетрудно. Каких только макаронных изделий нет на свете: и вермишель, и солонка, и лапша, и рожки, ракушки, перья, до тридцати видов наберется.

«Изобрели» макароны в Южной Италии. Уже в эпоху средневековья они пользовались большой популярностью у населения, были основным продуктом питания. Изготавливали их кустарным способом. Особенные макароны продавали в Неаполе. Секрет их приготовления знали немногие. Для приготовления таких макарон брали лучшую твердую пшеничную крупу, воду, листочки желатина, яичные белки, соль и шафран, который придавал макаронам желтоватый оттенок.

С XVIII века Италия наладила фабричное производство макарон и стала вывозить их на продажу в соседние европейские страны. Макароны разошлись по всему свету. В 1797 году построили первую фабрику и в России, в Одессе.

Калорийность макарон выше калорийности многих круп, таких, как манная, пшено, рис и гречка. Все дело в муке — макароны изготавливают из муки самого высшего качества, из твердых сортов пшеницы. Поэтому в макаронах и белков много и углеводов. Есть и особые высокопитательные сорта макарон, в которые добавляют яйца, меланж или яичный порошок.

Казалось бы, чего проще — сварить макароны! Но и тут есть свои тонкости. Если следовать советам специалистов, то на 100 г сухих макаронных изделий надо взять литр воды и 10 г (чайную ложку) соли. Подсолонную воду вскипятить, положить в нее макароны, дать закипеть и варить 5—6 минут на слабом огне. Потом кастрюлю снять, накрыть полотенцем, а поверх него — крышкой плотно, чтобы не выходил пар, и дать макаронам постоять 15—20 минут. А уж потом слить воду.

Чем же этот способ варки лучше того, к которому мы при-

выкли? Во-первых, макароны не слипаются, не пристанут ко дну, и, во-вторых, не нужно пробовать их во время варки, чтобы узнать, готовы ли они. Кроме того, макароны не придется промывать. Надо, однако, помнить, что более тонкие макаронные изделия варятся быстрее: вермишель должна кипеть 2—3 минуты и только 10 минут находится в горячей воде без огня.

Макароны хороши и как гарнир и как отдельное блюдо. Опытные кулинары готовят до двухсот блюд из макарон. Мы дадим вам рецепты различных супов.

Для всех этих супов (исключение составляет только молочный) надо сварить мясной или куриный бульон. Чтобы он получился вкуснее, положите лук, морковку, специи, а потом, когда бульон будет готов, все извлеките.

К супам подается тертый сыр, подойдет любой — голландский и российский, какой вам больше нравится. Сколько сыра положить в тарелку, это — дело вкуса.

С МАКАРОНАМИ И СЫРОМ

Вареные макароны нарежьте кусочками в 1,5—2 см, слегка обжарьте, положите в кипящий бульон и варите на слабом огне 10 минут, удаляя появляющуюся на поверхности пену.

Добавьте в суп смесь из яичных желтков со сливками и подавайте на стол.

На 200 г макарон: 50 г сливочного масла, 2 яйца, полтора стакана сливок.

ИТАЛЬЯНСКИЙ суп варится так же. Только бульон заправляется мукой, а вместо сливок кладется сметана.

МОЛОЧНЫЙ С ВЕРМИШЕЛЬЮ И ОВОЩАМИ

Репу, картофель и кабачки нарежьте брусочками длиной 3—4 см, лук нашинкуйте, поджарьте. Овощи положите в кипящее молоко, в равных частях разведенной водой. Доведите до кипения, затем всыпьте вермишель и варите до готовности.

Перед окончанием варки положите нарезанную отваренную свекольную ботву.

На 150 г вермишели: 1 л молока, 1 л воды, 100 г репы, 150 г кабачков, 100 г лука, 4 средних картофелины, 125 г свекольной ботвы, 2 столовые ложки масла.

ЖЮЛЬЕН С МЕЛКИМИ МАКАРОНАМИ

Морковь, кабачки и сельдерей потушите в кастрюле со сливочным и растительным маслом. Посолите и выложите овощи в подогретый бульон. Поставьте на небольшой огонь. Когда овощи будут готовы, добавьте макароны.

На 200 г мелких макарон «колечки»: 2 картофелины, 2 моркови, 2 небольших кабачка, один стебель сельдерея, 30 г сливочного масла, 1 столовую ложку растительного масла, 1 л бульона, соль по вкусу.

С ЗЕЛЕНЫМ ГОРОШКОМ

Поджарьте в кастрюле мелко нарезанный лук и ветчину. Влейте $\frac{3}{4}$ л бульона, добавьте горошек, щепотку соли. Около получаса варите на медленном огне. Затем всыпьте макароны. Готовый суп приправьте сливочным маслом и тертым сыром.

На 200 г мелких макарон «рис»: 500 г зеленого горошка, 50 г сливочного масла, 1 луковицу, 3 столовых ложки тертого сыра, соль.

М. ГОЛОВАНОВА,
Ж. ОРЛОВА

ИЗМОИХРЕЦЕПТОВ

Эти рецепты прислала наша читательница Астхик Аветисовна КАНАЯН. «Приезжайте в Ереван», — пишет она, — угощу на славу».

В Ереване, наверное, удастся побывать не всем, а вот приготовить у себя дома по рецептам Астхик Аветисовны вкусные кушанья может любая из нас.

ГОРОХ С ЧЕРНОСЛИВОМ

Заранее намоченный в теплой воде горох освободите от кожуры, сварите, пропустите через мясорубку. В эту массу добавьте такое же количество недозаренного, освобожденного от косточек чернослива, тоже прокрученного через мясорубку. Все это смешайте со стаканом толченых грецких орехов, влейте столовую ложку уксуса, положите три толченых гвоздики, чуточку соли и хорошо взбейте. Взбитую массу выложите на тарелку, придайте нужную форму, сверху сделайте вилок какой-нибудь рисунок — и закуска готова.

СЕЛЕДКА С ХЛЕБОМ

100 г намоченного в молоке белого хлеба и 200 г филе сельди пропустите через мясорубку, добавьте немного майонеза, смешайте, протрите через сито, чтобы не осталось мелких косточек, и положите в тарелку. Сверху посыпьте тертым сыром.

ОЛАДЬИ С ЯБЛОКАМИ

500 г сметаны смешайте с одним яйцом и хорошо взбейте. Добавьте чуть питьевой соды, разведенной в чайной ложке уксуса, и стакан муки. Все это еще раз хорошо взбейте. Три средних яблока очистите от кожуры и семечек, натрите на терке, смешайте с тестом и пеките оладьи. Когда будете есть, посыпьте сахарным песком.

ЗРАЗЫ

В мясо, пропущенное через мясорубку вместе с луком и чесноком, добавьте черный молотый перец, соль и хорошо перемешайте. Сделайте из фарша шарики. Теперь сварите стакан

риса, положите в него масло. Мясные шарики начините рисом, обманите в сухари и обжаривайте в жире.

РУЛЕТ НА СКОРУЮ РУКУ

Вылейте в миску банку сгущенного молока и два яйца. Хорошо взбейте, добавьте половину чайной ложки питьевой соды, разведенной в уксусе, и щепотку соли. Всыпьте стакан муки и снова взбейте вилок или венчиком. Намазанную с двух сторон пергаментную бумагу положите на противень, выложите на нее тесто. Пеките в духовке на медленном огне. Готовое тесто намажьте конфитюром или джемом и заверните рулетом, осторожно отделяя от бумаги ножом. Когда рулет остынет, посыпьте сахарной пудрой.

БЕЗЕ

В отличие от обычных безе для этих пирожных нужно всего одно яйцо (белок) и 500 г сметаны. Взбейте их венчиком, чтобы получилась пена, всыпьте постепенно полтора стакана са-

харного песка, все время взбивая, а затем немного ванилина. На противень постелите пергаментную, хорошо промасленную бумагу, на нее десертной ложкой подальше друг от друга выкладывайте одинаковыми кучками взбитую смесь и пеките в нежаркой духовке. Когда чуть-чуть зарумянится — безе готово.

ПЕЧЕНЬЕ

4 яйца (белок одного яйца оставьте) взбейте со стаканом песка, добавьте 200 г размягченного сливочного масла, половину чайной ложки соды, щепотку соли и муку так, чтобы тесто было не очень крутым, и все это тщательно размешайте. Сделайте из теста шарики размером с грецкий орех. Белок, который вы отделили, взбейте в миске, в другую миску насыпьте песок. Каждый шарик обманите в белок, затем в песок и кладите на противень так, чтобы не соприкасались друг с другом. Пеките в духовке на медленном огне. Готовое печенье посыпьте сахарной пудрой.

О том, о сем

● Пыль — главный враг грампластинок. Перед тем как ставить пластинку на проигрыватель, непременно протрите ее мягкой чистой тряпочкой. И старайтесь как можно меньше трогать руками, берите только за края или за середину, где фирменная наклейка.

● Резиновые перчатки служат дольше, если перед тем как надевать, насыпать в них немного талька. Так и работать приятнее: руки не потеют.

● Не выбрасывайте сломанные «молнии»: если обшить ими низ рабочих или детских брюк, они дольше прослужат.

● Нейлоновые блузки и рубашки, которые нельзя гладить, подержите после стирки под струей душа — и все складки исчезнут.

● Частички крахмала часто прилипают к поверхности утюга. Протрите его тряпочкой с мелкой солью.

● Складка на брюках сохраняется дольше, если вы протрете ее с изнанки кусочком сухого мыла, а потом прогладите с лицевой стороны через влажную тряпку.

● Остатки масла, маргарина, фарша быстрее «отклеятся» от бумаги, если вы на минуту подставите пакет под струю холодной воды.

ГЛОТОК БОДРОСТИ

Новый напиток «Солнышко», выпущенный московской специализированной фирмой «Русский квас», принадлежит к числу тонизирующих: снимает утомление, повышает работоспособность. В состав «Солнышка» входит настой зеленого чая, содержащего большое количество витамина Р. Одной бутылочки напитка достаточно, чтобы удовлетворить дневную потребность человека в этом ценнейшем витамине. А в состав ароматного напитка «Олимпийский», кроме лимонной кислоты и чая, входят настои зверобоя и эвкалипта, о пользе которых, наверное, слышал каждый.

Очень хорош фирменный «Русский квас». Как положено настоящему квасу, он обладает легким кисло-сладким вкусом, ароматом свежеспеченного ржаного хлеба. Он вызывает аппетит, хорошо утоляет жажду и, как говорят специалисты, тоже восстанавливает силы.

КРЕСЛО ДЛЯ ВАННЫ

Изящное белое кресло из деревянных прутьев, покрытых специальным водоотталкивающим лаком, предназначено

для ванны. Для больных, пожилых или полных людей такое кресло просто незаменимо. Сидя в нем, можно, удобно устроившись, попарить ноги, вымыться под душем. Выпускает кресло Горьковецкий завод, цена — 6 рублей.

КРЫШКА-СКОВОРОДКА

Вам, наверное, понравится новая чугунно-эмалированная жаровня, изготовленная Клязьминским заводом. В ней хорошо тушатся овощи, мясо, дичь, а крышка служит «по совместительству» удобной сковородкой. Цена жаровни — 4 рубля.

ВИЛКА ДЛЯ КАРТОФЕЛЯ

Неудобно чистить горячий картофель в мундире: все пальцы обожжешь. Вы избежите этой неприятности, купив специальную вилку, которую выпускает беляйковский завод «Звезда». Три зубца вилки позволяют наколоть картофелину, не разломав ее. Вилка изготовлена из нержавеющей стали, а белая изящная ручка — из пластмассы. Стоит вилка 50 копеек.

А. ЧЕРНЫШЕВА

БЛУЗКИ И ЮБКИ

Можно быть современно и хорошо одетой, имея сравнительно небольшой гардероб. В этом смысле наиболее удобны юбки и блузки — поистине универсальная одежда, позволяющая создавать множество новых комбинаций и вариантов. К тому же это наряд на все сезоны и на все случаи жизни. Мы с удовольствием носим блузки с юбками и зимой и летом, надеваем их в праздник, в будни.

На нашей обложке две юбки — одна подлиннее, другая покороче. Длина одежды еще не установилась, вы можете выбрать ту, которая вам больше пойдет. С любой из этих юбок можно носить и нарядную набивную блузку, и строгую спортивную, и короткий жакет, и длинный жилет — каждый раз вы будете как бы в новом платье. Сейчас входят в моду брюки — с ними хорошо сочетаются и жилеты и жакет, не пойдет разве только нарядная блуза. Некоторые модели юбок и блузок мы даем в приложении.

Несколько слов о модных деталях и дополнениях. В моде шейные платки и шарфы, металлические цепочки и кулоны. Шляпы с полями и береты.

Что касается цвета, сейчас первенство держат все оттенки холодного малинового, от самого светлого розового до темно-лилового.

Популярной отделкой остается декоративная отстрочка деталей и швов.

Фотография сверху из коллекции, присланной «Работнице» Парижским отделением Международной ассоциации шерсти.

Рисунки И. Воробьевой (модели Н. Голиковой).

На первой странице обложки: Делегат XXIV съезда КПСС Евгения Павловна Мухина.

Фото Н. МАТОРИНА.

На четвертой странице обложки: Весна.

Фотоэтиюд Н. Маторина.

К этому номеру дается бесплатное приложение: модели юбок и блузок.

НОВИНКИ

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, М. Н. КОЗЫРЕВА,
Е. В. КОНОНЕНКО, М. И. РОЖНЕВА,
З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА,
Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:

Москва, А-15, ГСП, Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

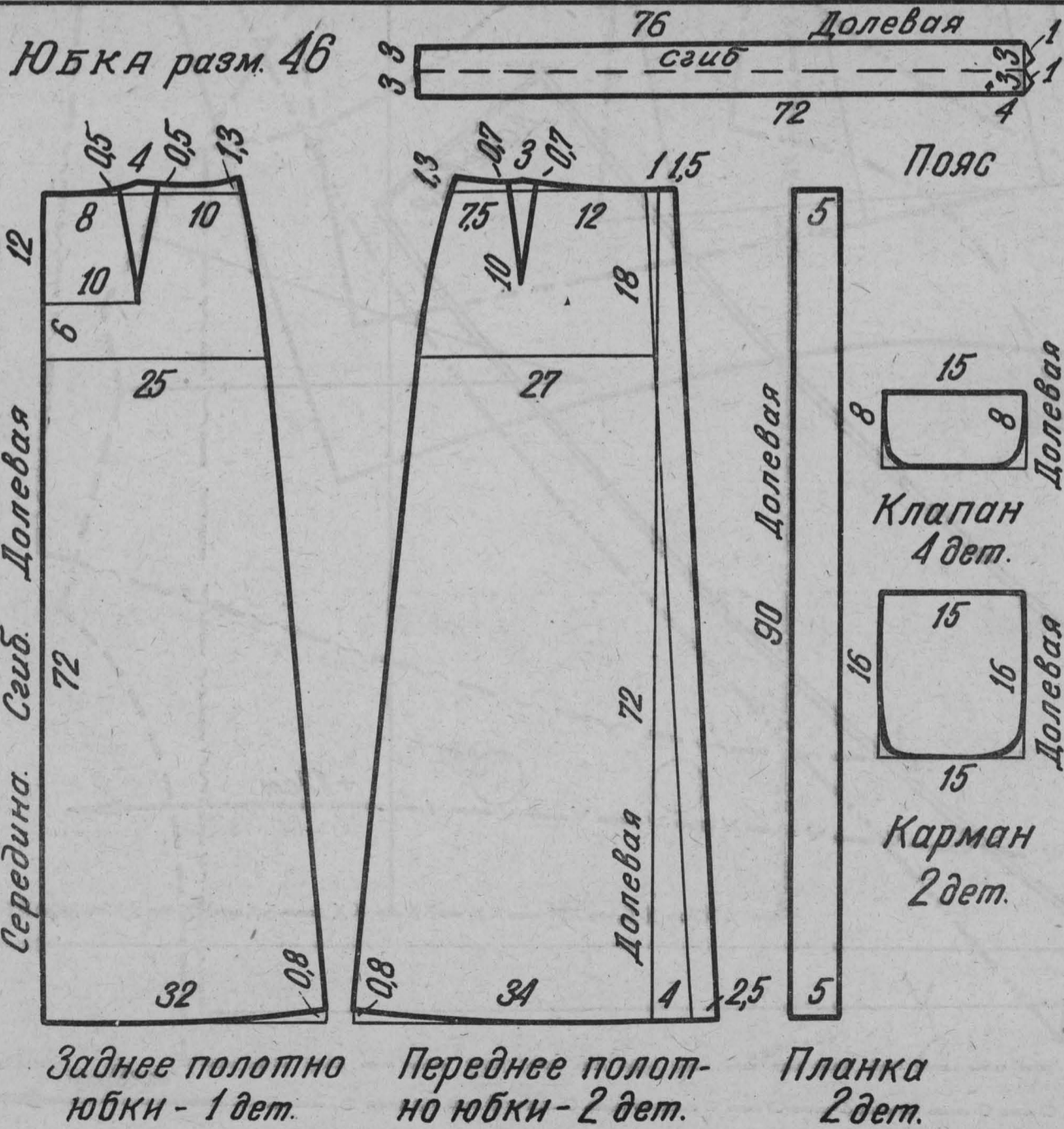
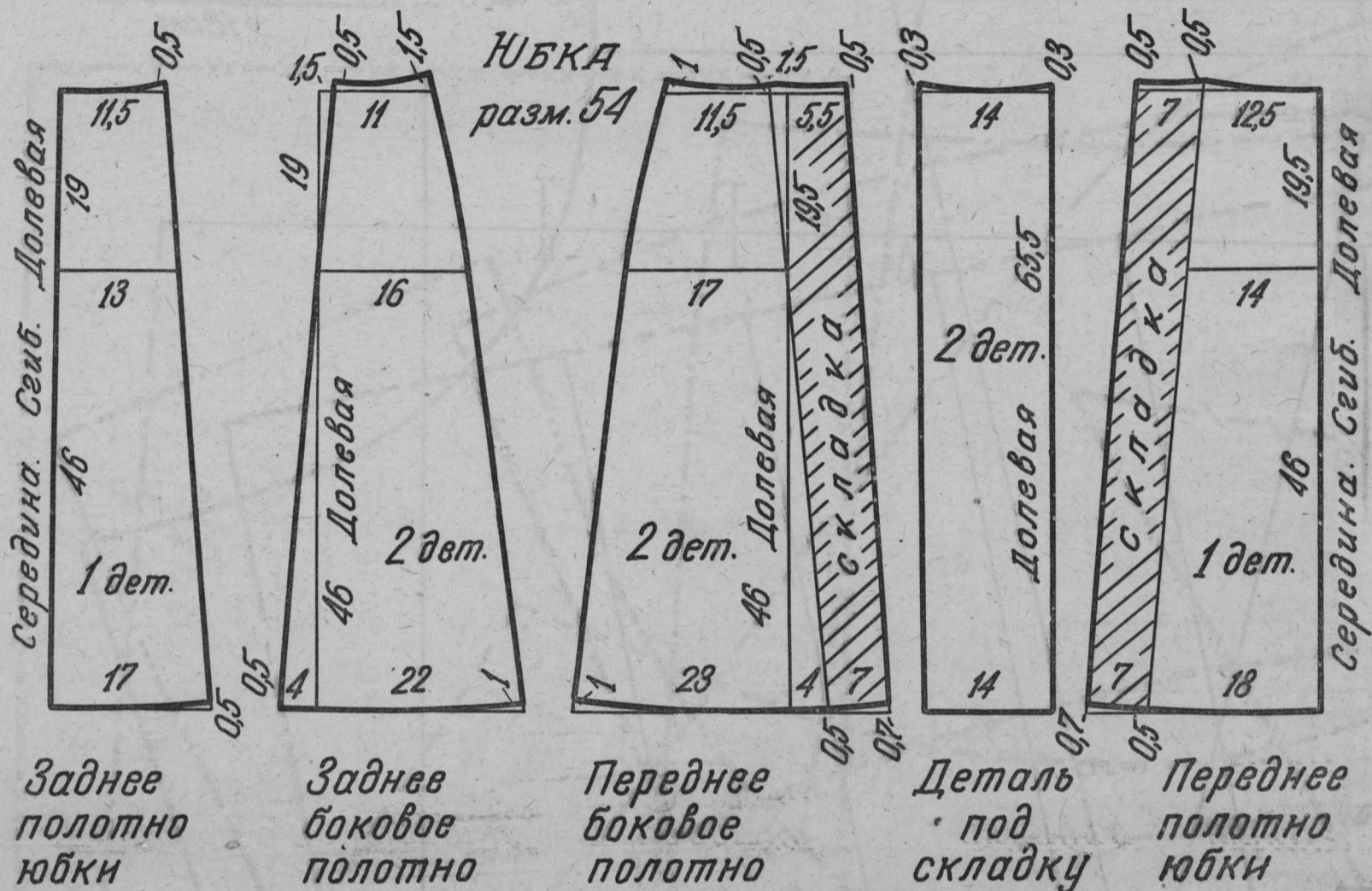
промышленного — 250-11-72; международной жизни — 250-12-30; литературы и искусства — 250-12-30; семьи и быта — 250-11-93; науки и антирелигиозной пропаганды — 253-30-76; художественного оформления — 253-34-79; писем — 250-57-38; массовой работы — 250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Сдано в набор 29/1-1971 г.
А 02461. Подписано к печ. 27/11-1971 г.
Формат бумаги 60 × 92¹/₈.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 11 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 10 538 700 экз.)
Изд. № 447. Заказ № 338.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.
Технический редактор
Т. Н. ЖУРАВЛЕВА.

На этой странице вы найдете юбки на любой вкус. Женщинам полным лучше носить юбки прямые с вертикальными линиями-строчкой, глубокими складками. Юным и стройным пойдут расклешенные юбки на кокетке, с пояском по линии бедер, как на нашем рисунке сверху. На переднем полотнище юбки можно заложить три глубокие складки, можно его и заплиссировать. Юбка с планкой-застежкой спереди очень модна в этом сезоне. Ее лучше шить из плотной ткани (например, пальтовой) и сделать подлиннее. Карманы накладные.

Обратите внимание: по одной и той же выкройке можно шить юбки разных фасонов — со складками, карманами, кокеткой. Чертежи кроя таких юбок 46-го, 48-го и 54-го размеров мы даем в уменьшенном виде, без припусков на швы и подшивку низа.

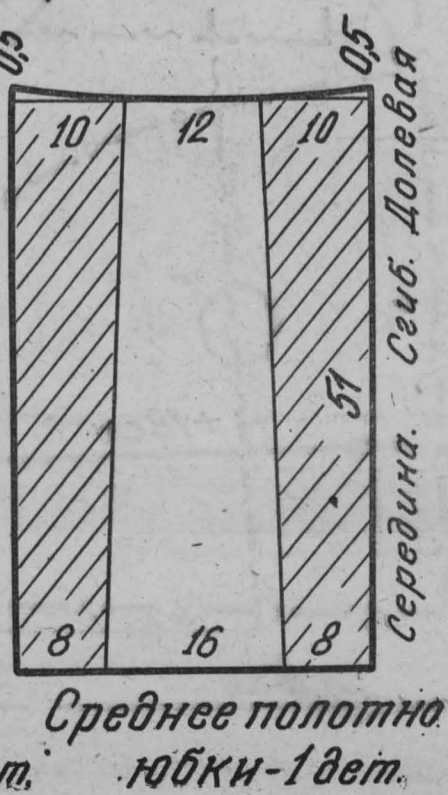
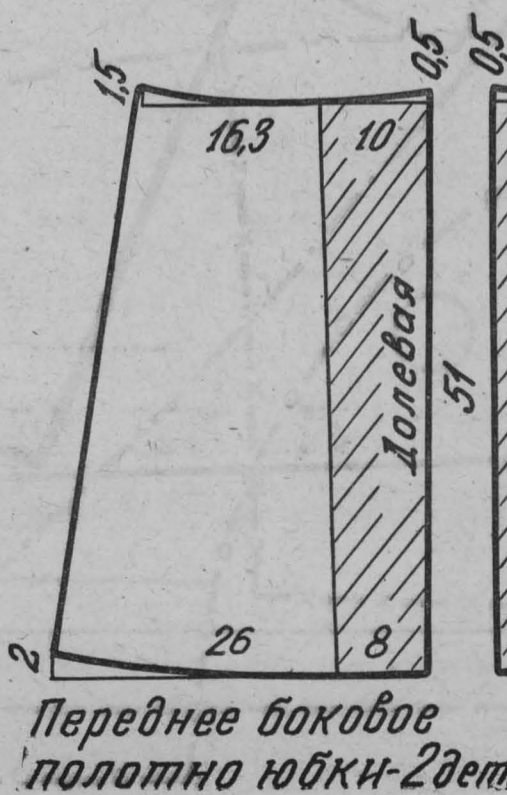
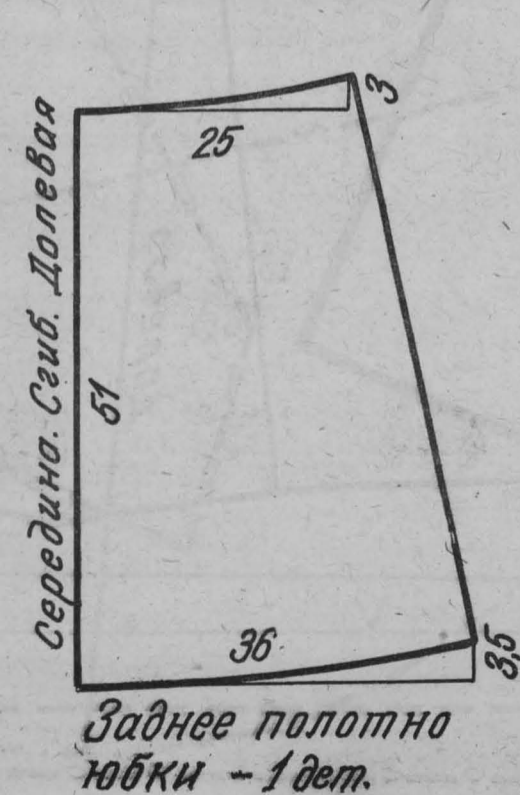
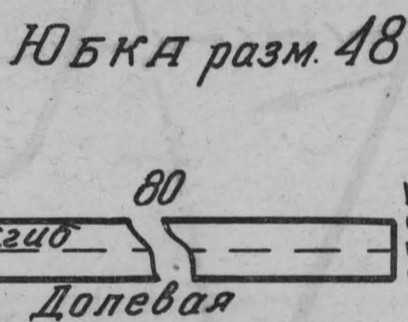
Выкройки блуз, которые здесь нарисованы, помещены на обороте «Приложения». Выкройки даны в натуральную величину, без припусков на швы, размеры — 48-й и 54-й. Но по ним можно шить не две, а четыре блузки, потому что для каждой из них предлагаются два варианта воротника — на выбор. Планка для блузки в клетку кроится по длине переда, ширина ее — 4,5 см. Для нарядной блузы с обортами и бантом планка пошире — 5 см. Ткань может быть любой — и шелковой и хлопчатобумажной.

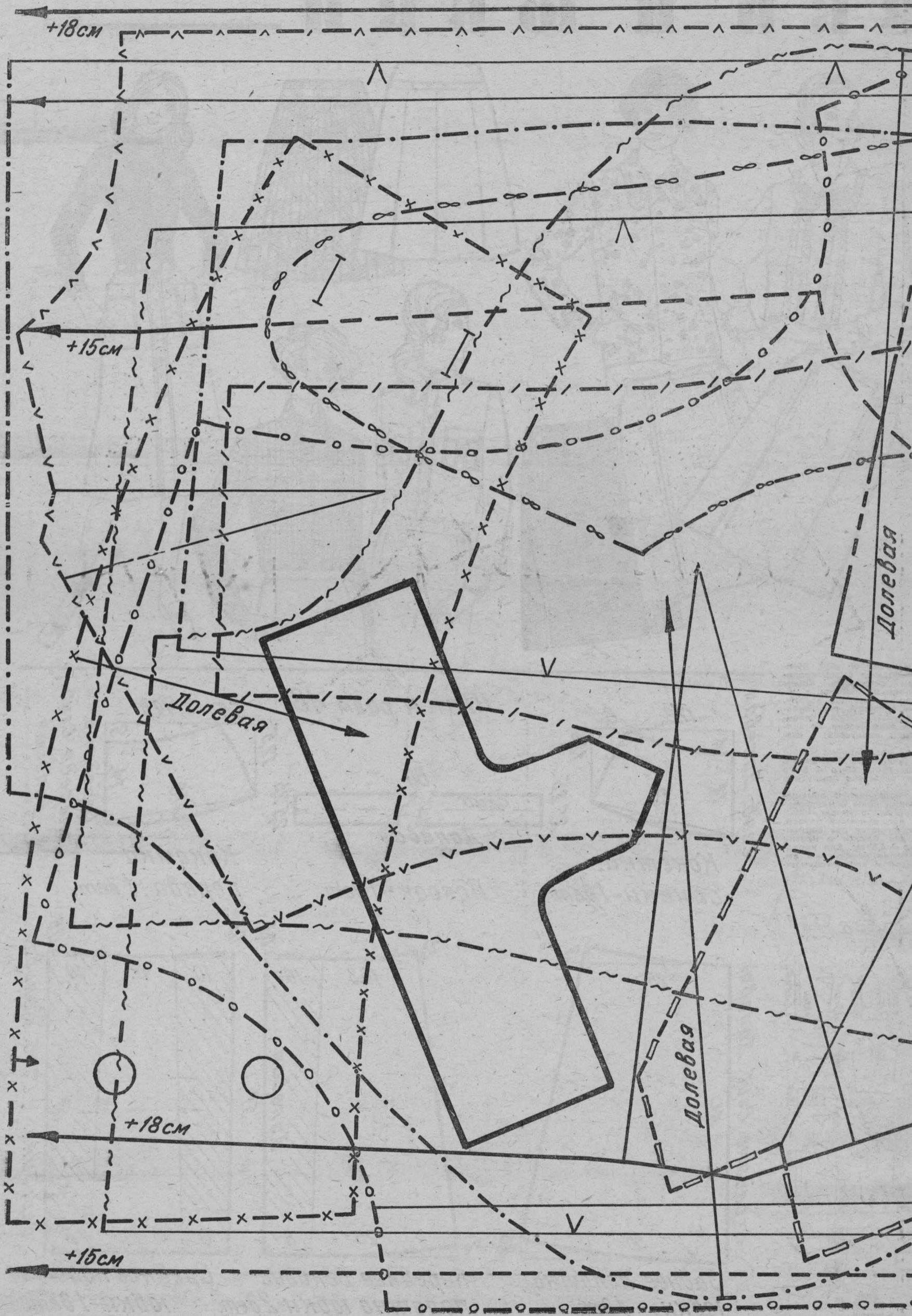
Конструктор Т. Леснова

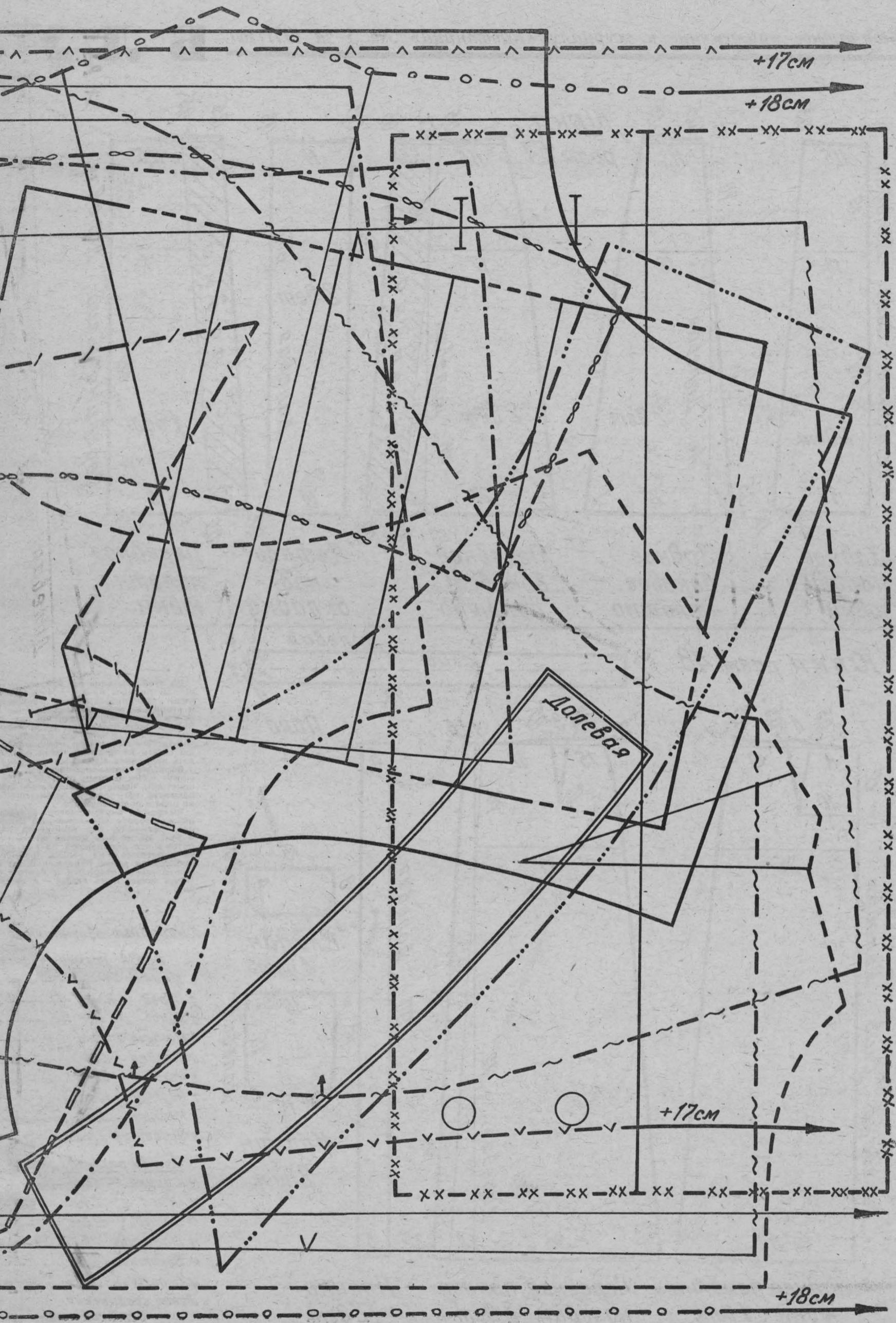
Условные обозначения:

И И Ю Б К И

Индекс 70770

Цена 10 копеек.

Я люблю те.бя, Рос-
сия, до.ро.га.я на.ша Русь. Не ра.ст.ра.чен.на.я
си.ла, не.раз.га.дан.на.я гру.сть Ты раз.мах.ом не.об.ят.
ат.на, не.т ни в чем те.бе кон.ца, Чу.же.зе.м.ным му.д.ре.ц.ам.
ты ве.ка.ми не по.ня.т. на Мно.го раз те.бя пы.та.ли. Нет!
А при.вык то.бой гор.дуть. ся, без те.бя мне.сча.стья
нет! Нет!

РОССИЯ

Музыка Д. ТУХМАНОВА.
Слова М. НОЖКИНА.

Я люблю тебя, Россия,
Дорогая наша Русь.
Нерастроченная сила,
Неразгаданная грусть.
Ты размахом необъятна,
Нет ни в чем тебе конца,
Ты веками непонятна
Чужеземным мудрецам.

Но нельзя тебя, я знаю,
Ни сломить, ни запугать,
Ты мне, Родина родная,
Вольной волей дорога.
Ты добром своим и лаской,
Ты душой своей сильна,
Нерассказанная сказка,
Синеокая страна.

Много раз тебя пытали —
Быть России иль не быть,
Много раз в тебе пытались
Душу русскую убить.

Я в березовые ситцы
Нарядил бы белый свет,
Мне всю жизнь тобой
гордиться, —
Без тебя мне счастья нет!